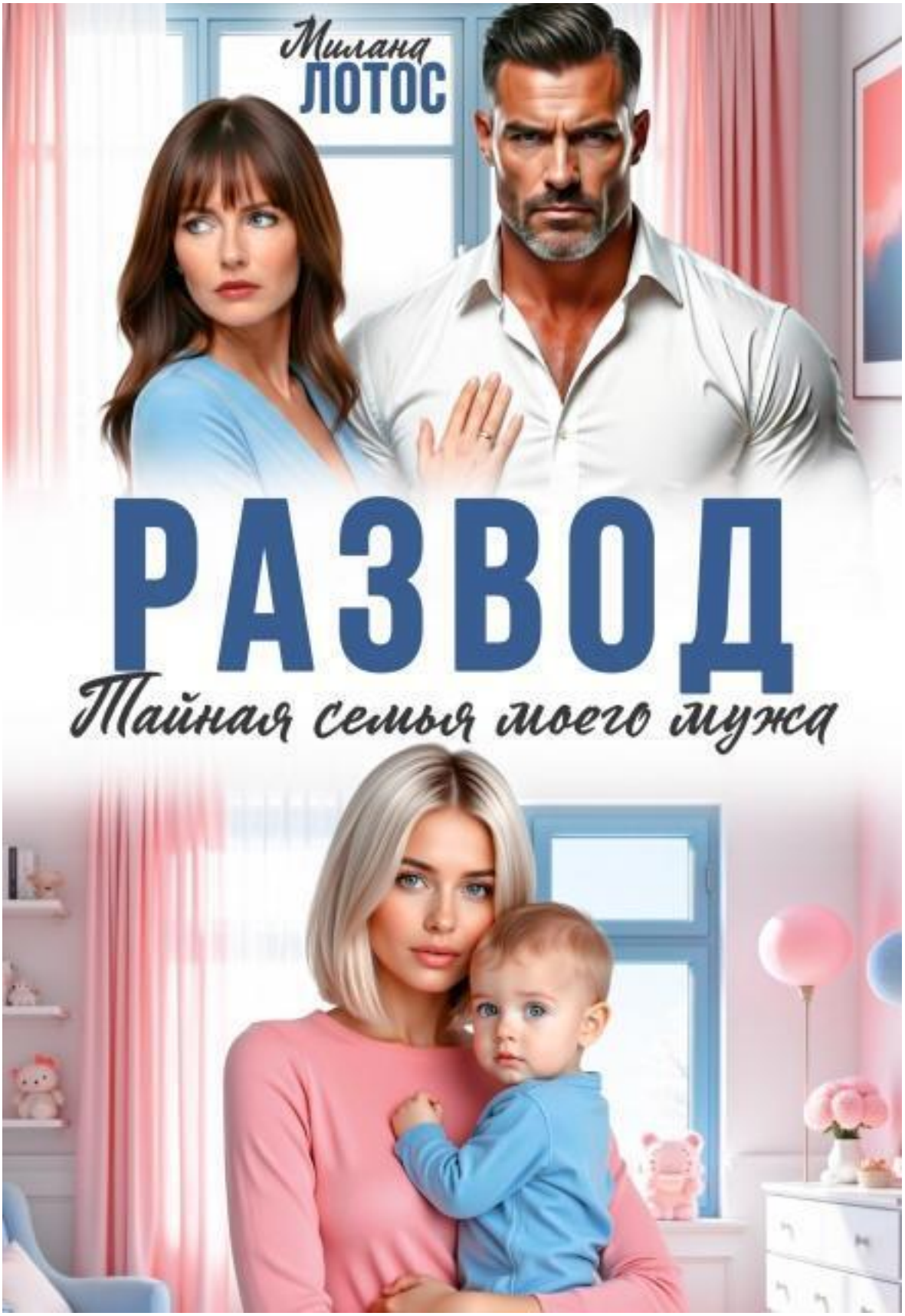

Милана
ЛОТОС
РАЗВОД
Тайная семья моего мужа

Милана Лотос

Развод. Тайная семья моего мужа

«Литнет»
2026

Лотос М.

Развод. Тайная семья моего мужа / М. Лотос — «Литнет», 2026

– Мы разведемся только тогда, когда я скажу. И запомни, Варвара: ты моя жена. Была, есть и будешь. Хочешь ты этого или нет. А все эти разговоры про развод оставь для подружек. Со мной этот номер не пройдет.Муж полгода скрывал от меня свою вторую семью. Когда правда вскрылась, я потребовала развод. Но он против.Он считает, что я никуда не денусь, но не знает, что измена – как бумеранг. И скоро его тайная семья уничтожит не только наш брак, но и жизнь нашей единственной дочери.ОЧЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОВСЕ НЕ ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯЧУЖАЯ СЕМЬЯ И РЕБЕНОК МУЖАХЭ БУДЕТ ДЛЯ ТЕХ, КТО ЗАСЛУЖИЛ!Буду благодарна за вашу поддержку❤#Не забудьте добавить книгу в библиотеку, чтобы не потерять.Ругать героев можно, АВТОРА НЕЛЬЗЯ! Иначе - БАН!История пишется в рамках литмоба «Тайный ребенок мужа»

© Лотос М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

1. 5
2. 7
Визуализация ❤# 9
3. 12
4. 14
5. 17
6. 22
7. 27
8. 30
9. 34
10. 38
11. 43
12. 48
13. 53
14. 58
15. 63
16. 67
17. 70
18. 74
19. 77
20. 80
21. 83
22. 86
23. 88
Конец ознакомительного фрагмента. 89

1.

– Родная, я хотел бы тебе кое в чем признаться, – говорит мне муж, пока мы едем в машине в наш загородный дом. Там нас ждет наша восемнадцатилетняя дочка, недавно узнавшая о своей беременности.

– Ты забыл ключи и нам придется возвращаться, да? Не переживай, зная твою забывчивость, я взяла запасные.

Улыбаюсь и хлопаю мужа по плечу. Смотрю в родные глаза, но вижу там вовсе не забывчивость, а тревожность и она явно не связана с ключами от дома.

– Ключи я взял. Дело совсем не в этом, – он отворачивается от меня, чтобы не пропустить поворот. – Не сбивай меня с мысли, Варь, иначе я…

– Все молчу, – хмурюсь и ослабляю ремень безопасности, который всю дорогу врезается мне в плечо. – Говори уже, Борь, чего ходишь вокруг да около?

– Хмм… ну хорошо… слушай, – муж не сбавляет скорость, а наоборот, кажется только увеличивает. Хотя мы никуда не торопимся, пальцы его напряжены и сжимают руль до побелевших костяшек. – В общем, дело в том, что у меня оказывается есть внук Илья, которому через несколько дней исполняется один год. Его родила моя дочь Зоя. Ты ее не знаешь, – произносит почти шепотом. – Короче, у меня есть еще одна семья, в которой я отец и дед, и они приглашают тебя и Лизу на день рождения Илюши.

– Не поняла, – судорожно вздыхаю, кажется сердце сейчас выпрыгнет из горла, – это шутка такая, да? Ты сейчас ничего не перепутал, Борь?

– Нет, – отрезает муж, – сам узнал об этом полгода назад.

– Полгода назад? И все это время молчал?! – кричу я, даже не пытаясь сдерживаться и хватаю мужа за руку.

– Отпусти, дура! – Он дергается и вырывает руку. – Разобьемся же!

– О чем узнал? – всхлипываю я. – О том, что у тебя есть дочь и внук? Ты издеваешься, да? Совсем меня за дуру держишь?

– Не верещи, – рявкает Борис и мельком смотрит на меня. В глазах непонимание и гнев от которого страшно и больно. – Говорю тебе, сам узнал недавно. До этого, ни сном ни духом. Бывшая моя, с которой я встречался до тебя, Алка Озерова, может помнишь, нашла меня в соцсети и связалась. И вывалила всю эту правду на меня.

– Не верю, – шепчу я, хватаясь за ремень, – останови, Борь. Останови. Плохо мне.

Муж аккуратно сворачивает на обочину и включает сигнальные огни. Я открываю дверь и судорожно дышу. Кажется у меня нервный срыв. Дрожащими руками достаю из сумки бутылку с водой и делаю несколько глотков. Сердце колотится как сумасшедшее, словно хочет выпрыгнуть из груди. Но постепенно успокаивается, звездочек перед глазами становится меньше и я опускаю голову на подголовник кресла. Закрываю глаза. Дышу носом, вдох-выдох. Язык не шевелится, словно прирос к небу, но все же выдаю.

– Видеть тебя не хочу, – шепчу мужу, мысленно посылая мужа на три буквы. Но воспитание не позволяет произнести это вслух. – Полгода молчал о том, что у тебя есть вторая семья. И как тебя только совесть не сожрала с потрохами, Борь? И ведь спать ложился в нашу постель и голова не болела о том, что где-то там, тебя ждёт любовница и дочь.

– Она мне не любовница, – сурово произносит и пытается взять меня за руку, но я вырываю ладонь. Прячу в складках платья. – Я тебя люблю и всегда любил. Ты моя жена, а это многое значит.

– Ну-ну, так я и поверила. Сколько твоей дочери? – открываю глаза и бросаю на мужа пронзительный взгляд. Он молчит, как будто прикидывает в уме, сколько мне сказать, чтобы я ничего не заподозрила.

– Двадцать... эммм... один, – произносит нахмурившись и его лицо меняется, – кажется. Может быть двадцать. Я не помню.

– Не помнит он. В этом году юбилей нашей свадьбы справляли, двадцать лет. В ресторане, не помнишь? Я думала, мы всех родственников позвали, – замолчала я на секунду и сделала ещё один глоток воды, чтобы смочить пересохшее горло, – оказывается не всех.

– Варь перестань, я же говорю тебе – не знал.

– Борь, хватит прикидываться дураком. Ты изменил мне с твоей Аллой, будучи в браке со мной. А это значит, в тот момент ни о какой любви и верности речи не шло. Ты предал меня, Орфеев! Предал, а это означает одно, жить я с тобой больше не намерена. Не хочу, не люблю, не желаю.

– Не говори ерунды, Варвара. Это просто факт, что у меня есть взрослая дочь. Признай его и успокойся. Мы взрослые люди, в конце концов. Не устраивай истерики на ровном месте. Выдыхай, бобёр, живем дальше, – он снова потянул ко мне руки, в этот раз намереваясь обнять и прижать к себе. Но я ударила по рукам и заскрипела зубами.

– Ещё раз притронешься ко мне, я вылью эту воду, – показала на бутылку, – тебе на голову. Понял меня?

– Допустим, – процедил сквозь зубы и провел ладонью по своей бороде, – дальше что?

– Дальше, ты можешь ехать к своей Аллочке и новоявленной дочери и жить с ними. Скатертью дорога, электричка наперерез, ну а мы, дорогой мой, разводимся.

Выпалила это на одном дыхании и замерла в ожидании.

Сейчас он начнет оправдываться, просить прощения, уговаривать… все как всегда. Двадцать лет брака научили: если Варвара закатывает скандал, Борис сначала отмалчивается, потом идет на попятную, а вечером дарит цветы и ведет в ресторан. Привычный сценарий.

Привычные роли.

Но он усмехнулся. Криво, нехорошо так усмехнулся. Посмотрел на меня и процедил.

– Нет, дорогая. Это, кажется, ты не поняла. Мы разведемся только тогда, когда я скажу. Ясно тебе?

2.

– Нет, дорогая, это кажется, ты не поняла… мы разведемся только тогда, когда я скажу. Ясно тебе?

Я опешила. Этого не было в сценарии.

– Что?..

– А то, – перебил он, не давая опомниться. – Решение о разводе принимаю я. И я его не принимал. Так что выкинь эту дурь из головы.

Я смотрела на него и не узнавала. Куда делся мой покладистый муж, который всегда уступал в ссорах? Передо мной сидел чужой человек – жесткий, холодный, с металлом в голосе.

– Ты… ты не посмеешь меня держать, – выдохнула я, чувствуя, как внутри закипает новая волна гнева. – Я не рабыня.

– А кто спорит? – Борис пожал плечами с показным равнодушием. – Хочешь уходить – уходи. Заявление на развод подавай. Но знай: я его не подпишу. Буду тянуть резину сколько смогу. Адвокатов найму, детей подключу, матерей наших, отцов, друзей. Сделаю все, чтобы ты через это дерьмо прошла по полной. Тебе оно надо?

Я задохнулась от возмущения.

– Ты… ты угрожаешь мне?

– Предупреждаю, – поправил он спокойно. – Чтобы глупостей не наделала. Потому что я тебя знаю, Варвара. Ты сначала рубишь сплеча, а потом локти кусаешь. А я не хочу, чтобы ты кусала. Я хочу, чтобы ты остыла, подумала и приняла правильное решение. Вместе со мной.

– Правильное для тебя? – выкрикнула я.

– Для нас, – отрезал Борис. И вдруг подался вперед, схватил меня за подбородок — грубо, больно, заставляя смотреть в глаза. – А теперь слушай меня внимательно. Я сказал тебе правду. Часть правды. Потому что всю сразу ты не переваришь. И не смотри на меня так, будто я предатель. Я твой муж. Глава семьи. И решать, что и когда тебе знать, буду я. Поняла?

В машине повисла тишина. Я сидела, сжавшись в комок, и смотрела на него сквозь пелену слез. Таким я его не знала. Таким жестким, чужим, непробиваемым. Куда делся мой ласковый Боренька, который дарил цветы без повода и называл меня "киской"? Этот человек, сидящий рядом, был мне незнаком.

– Последний раз спрашиваю: истерика закончилась? – повторил он, медленно, чеканя каждое слово. – Можешь теперь выслушать меня спокойно, или продолжим представление для водителей проезжающих машин?

Он кивнул на трассу. Действительно, мимо проносились фуры, кто-то сигналил, кто-то замедлялся, разглядывая нашу машину на обочине с включенной аварийкой и меня, стоящую с открытой дверью и бутылкой воды в трясущихся руках.

Я захлопнула дверь. Села ровно, пристегнулась. Руки сложила на коленях, как примерная школьница.

– Слушаю, – выдавила сквозь зубы.

Борис удовлетворенно кивнул. Включил поворотник, плавно влился в поток. Разговор явно откладывался до приезда. Я сидела, кипела, но молчала. Это было пыткой – сидеть рядом с ним, чувствовать его запах, видеть его профиль и понимать, что этот человек, которого я считала родным, носил в себе чудовищную тайну полгода. Полгода! Сто восемьдесят дней и ночей! Он ложился со мной в постель, обнимал меня, занимался любовью… и молчал. А утром пил кофе, читал новости и думал о том, как там его "вторая семья"?

Горло сдавило спазмом.

Я закусила губу, чтобы не разреветься. Нет. Не доставлю ему этого удовольствия. Буду сидеть с каменным лицом до самого дома. А там выпровожу его ко всем чертям и закрою дверь на все замки.

Но когда мы въехали в поселок и остановились у знакомых ворот, Борис заглушил двигатель и повернулся ко мне. Взял за подбородок – грубо, больно, заставляя смотреть ему в глаза.

– А теперь слушай меня, Варвара, – сказал он тихо, но так, что мурашки побежали по спине. – Я сказал тебе правду. Часть правды. Потому что всю сразу ты не переваришь. И не смотри на меня так, будто я предатель. Я твой муж и глава семьи. И решать, что и когда тебе знать, буду я. Поняла?

– Пусти, – дернулась я, пытаясь высвободиться. – Больно же!

– А мне было больно, когда я узнал, что у меня двадцать четыре года растет дочь, которую я никогда не видел? – он сжал пальцы сильнее. – Мне было больно, Варя. Очень больно… и страшно. Потому что я понял: если сейчас я скажу тебе, то потеряю все. Семью. Дом. Тебя. Я полгода готовился к этому разговору. Полгода искал слова. А ты сейчас будешь указывать мне, куда ехать и с кем жить?

Он резко отпустил мое лицо. Я отшатнулась, потирая ноющий подбородок. На глазах выступили слезы – от боли, от унижения, от бессилия.

– Я не указываю, – прошептала я. – Я просто… я не могу с тобой жить после этого, Борь. Не могу.

– Можешь, – отрезал он. – И будешь. Потому что я тебя никуда не отпускаю. Мы не разводимся. Точка.

– Что значит "не разводимся"? – всхлипнула я. – Ты меня предал, у тебя другая семья, а я должна делать вид, что ничего не случилось?

– Другая семья была у меня ДО тебя, – повысил голос Борис и сделал акцент на слове ДО. – Я не знал о ней. А когда узнал, не бросился сразу к тебе с повинной, потому что берёг тебя. Берёг, понимаешь? У меня гипертония, давление скачет, нервы ни к черту. А у нас Лиза на сносях, брошенная, беременная, неизвестно от кого. Ты думаешь, я не понимаю, что творится в нашем доме? Думаешь, мне плевать?

– А на меня тебе не плевать? – выкрикнула я, и слезы хлынули градом. – Если бы ты любил, ты бы сразу сказал. В тот же день, как узнал. А ты молчал, встречался с ними, пил чай, внука на руках качал, а я… я даже не знала, что у мужа есть кто-то еще!

– Никого у меня нет, – жестко оборвал Борис. – Алла замужем. У нее своя жизнь. Я для нее всего лишь бывший из прошлого. Она вышла на меня только ради дочери, потому что Зое нужен был отец. Настоящий, биологический. И я дал ей этого отца. Все. Никаких любовниц, никаких вторых семей. Есть только ты. И не смей реветь, как девчонка. Терпеть не могу бабских истерик.

– Ах, ты не любишь истерик? – я зашлась в рыданиях уже в голос. – А как я должна реагировать, когда мой муж, с которым я прожила двадцать лет, сообщает мне, что у него есть взрослая дочь? Скажи, Боря, как?! Может, мне улыбнуться и сказать: "Ой, как замечательно, дорогой, познакомь меня скорее с твоим незаконнорожденным ребенком"?

– Замолчи, – процедил он сквозь зубы.

– Не замолчу! – закричала я. – Ты не имеешь права затыкать мне рот! Ты предатель! Ты лжец! Ты…

Договорить я не успела… потому что Борис резко наклонился ко мне и…

Визуализация

Хорошие мои, позвольте еще раз познакомить вас с нашими героями.
И если они вам нравятся, то не поскупитесь на лайк книге.
Автору будет приятно.
Итак,
Варвара Орфеева, 44 года.
Счастлива замужем, была... до сегодняшнего дня.
Что будет дальше, посмотрим.

Борис Орфеев, 48 лет.
Счастливо женат, имеет дочь от жены и еще одну дочь от бывшей возлюбленной.

Дочь Лизавета Борисовна, 18 лет, незамужем, ждет ребенка от...
Скоро узнаем, от кого.

3.

Борис резко наклонился ко мне, схватил за затылок и впился в губы жестким, собственническим поцелуем. Никакой нежности – одна власть. Я попыталась вырваться – он только сильнее сжал пальцы в моих волосах, причиняя боль. А когда отпустил, я сидела, хватая ртом воздух, размазывая по щекам слезы и тушь.

– Закончила? – спросил он холодно, вытирая губы тыльной стороной ладони.

– Ты… ты… – я задыхалась от гнева и обиды. – Как ты смеешь?

– Смею, – ответил он, откидываясь на спинку кресла. – Потому что я твой муж. И пока я жив, ты никуда от меня не денешься. Хочешь кричать, пожалуйста. Хочешь бить посуду, давай. Разбей всю. Хочешь к маме уехать – скатертью дорога. Твоими же устами, милая, мёд пить. Но развода не будет. Я сказал, – процедил он последнее слово и у меня мурашки побежали от страха.

Я молчала. Просто сидела и тряслась, не в силах вымолвить ни слова.

– Вот и умница, – Борис удовлетворенно кивнул. – А теперь пошли в дом. Лизу нельзя одну оставлять надолго, она и так сама не своя ходит. И вытри лицо, дочка не должна видеть тебя такой страшной.

Затем он вышел из машины, обошел капот, открыл мою дверь. Протянул руку, помогая выбраться. Я оперлась на его ладонь, машинально, по привычке. И только когда встала на ноги, поняла, что он коснулся меня. А ведь я этого не хотела. Не сейчас.

– Вот так-то лучше, – сказал он, не отпуская моей ладони. – И запомни, Варвара: ты моя жена. Была, есть и будешь. Хочешь ты этого или нет. А все эти разговоры про развод оставь для подружек. Со мной этот номер не пройдет.

– Зачем ты это сделал? – спросила я тихо, почти шепотом. – Зачем рассказал сейчас? Ведь мог и дальше молчать.

– Потому что Зоя хочет познакомиться с Лизой, – ответил Борис, и в голосе его впервые проскользнуло что-то человеческое. Усталость. – Они сестры, Варь. Единокровные. У них один отец. И Зоя считает, что они должны знать друг друга. Тем более у Лизы скоро ребенок родится, а у Зои уже есть малыш. Может, они подружатся. Лизе сейчас нужна поддержка, раз уж с ней такое произошло.

– Подружатся? – я истерично рассмеялась. – Ты с ума сошел? Моя Лиза будет дружить с дочерью твоей любовницы?

– Она не любовница! – рявкнул Борис. – Сколько раз повторять? Алла, мать моей дочери, и все. Между нами ничего нет и не было двадцать лет. И не будет. Я выбрал тебя тогда, Варя. Выбрал и никогда не жалел. А сейчас… – он провел рукой по лицу, словно смывая усталость. – Сейчас у нас есть выбор: либо мы принимаем эту ситуацию и живем дальше, либо мы теряем друг друга. Я не хочу тебя терять. А ты?

Я молчала.

В голове шумело.

Все, что он говорил, звучало разумно, но сердце отказывалось принимать. Я почему-то была уверена на сто процентов, что мой муж изменил мне с Аллой тогда и продолжал это делать после того, как мы поженились. Если вспомнить, что происходило с нами за двадцать лет брака, поверить в его невинность было сложно.

– Мне нужно время, – выдавила я наконец. – Я не могу сейчас… не могу решать. Пусти меня. Я хочу к Лизе.

Я вырвала руку и, не оборачиваясь, пошла к калитке. Ноги подкашивались, слезы душили, но я шла. Сзади хлопнула дверца машины, Борис поехал ставить авто в гараж. Значит, все-таки останется сегодня дома и не поедет к своей Аллочке. Не побежит к ней.

И я не знала, радоваться этому или плакать.

Ноги дрожали, вдохнуть полной грудью не получалось, сердце казалось застряло где-то в горле. Я смотрела по сторонам и не хотела идти домой. Мир как будто за этот час, что мы ехали в загородный дом, рухнул пополам и перестал быть уютным и прежним.

Мне хотелось сбежать из этого поселка, города, страны. Запереться где-нибудь на другой планете и вычеркнуть из своей жизни этот час, который казалось перечеркнул нашу с Борей семейную жизнь. И ничего уже не будет прежде. Даже если узнается, что он мне не изменял, даже если я поверю в то, что его дочь родилась до нашего с ним брака. Боря был для меня идеалом, мужчиной моей мечты, которого я любила больше всего на свете. А теперь… он словно стал для меня чужим, незнакомцем, человеком, которого, как оказывается я совсем не знала.

Вздохнув, я поднялась по лестнице на веранду и открыла дверь. Оранжевая машина дочери стояла под навесом, а это значит, она приехала раньше нас и ключи, которые я взяла не понадобятся.

И почему я сейчас об этом подумала? Может, чтобы больше не терзаться мыслями о любимом и ненаглядном муже…

Лиза сидела на кухне в темноте, обхватив руками кружку с остывшим чаем. Она немного покачивалась в кресле-качалке и смотрела в окно. Увидев меня, она вскочила улыбнувшись, а потом вдруг замерла:

– Мама! Ты чего плачешь? Что случилось? Где папа? – она посмотрела за мое плечо. Но отца не увидела.

Я подошла к дочери, обняла ее, прижала к себе, чувствуя, как бьется ее сердце – часто-часто, как у птенца.

– Ничего, Лизонька. Все хорошо. Просто… просто мы с папой немного поссорились в дороге. Ерунда. Ты не переживай.

Лиза отстранилась, вгляделась в мое лицо:

– Мама, у тебя тушь потекла. И губа разбита? Он что, ударил тебя?

– Господь с тобой! – я коснулась губы, действительно, припухла. Видимо, когда он целовал, зубами задел. – Нет, конечно. Это я сама… неудачно повернулась. Ты лучше рассказывай, что случилось у тебя? Ты звонила, говорила, что не можешь больше молчать.

Лиза опустилась на стул, уставилась в одну точку. Помолчала. А потом подняла на меня глаза, огромные, испуганные, полные боли:

– Мама, я сегодня встретила отца моего ребенка. Случайно, в парке… ты не поверишь, – она горько улыбнулась, но в глазах блеснули слезы, – оказывается, он женат. И, похоже, счастлив в браке и не собирается разводиться, как я думала.

4.

Воздух в кухне закончился. Я смотрела на дочь и не могла пошевелиться. Ее слова падали в мою израненную душу, как капли раскаленного свинца.

– Женат? – переспросила я шепотом. – Лизонька, но как же… ты же говорила, он клялся тебе в любви, обещал, что вы будете вместе…

– Похоже, он меня обманывал, – Лиза передернула плечами, будто от холода. – Всё врал. Имя оказалось ненастоящим, я слышала, как его жена окликнула. И он вовсе не в разводе. Я для него была просто развлечением. А стоило мне упомянуть о беременности, он исчез. И вот сегодня я увидела его в парке с коляской. Рядом шла жена, держа его за руку, – она замолчала на мгновение и опустила глаза, – такая красивая, ухоженная, счастливая мамочка.

Она замолчала, сглотнула. Слезы покатились по щекам, но Лиза не всхлипывала – она просто сидела и плакала молча, и от этого молчания у меня сердце разрывалось на части.

– Господи, доченька… – я шагнула к ней, чтобы обнять, прижать к себе, защитить от всего мира.

И в этот момент сзади раздался тяжелый шаг и скрип половиц.

– Что значит "женат"? – голос Бориса грохнул, как удар грома.

Мы обе вздрогнули и обернулись. Он стоял в дверях кухни – огромный, темный, с побелевшим от гнева лицом. Руки сжаты в кулаки, желваки ходят на скулах. Я даже испугалась, таким я его видела раз в жизни, пару лет назад, когда какие-то уроды полезли к Лизе в подворотне.

– Папа… – Лиза вжалась в кресло, инстинктивно прикрывая живот руками.

– Я спросил, – Борис шагнул вперед, и каждая мышца в нем дрожала от ярости. – Что значит "женат"? Ты мне четыре месяца голову морочила, что отец твоего ребенка – студент, однокурсник, что вы поссорились, что он уехал на стажировку? А он, оказывается, женат? С ребенком? Да как ты могла, Лиза?! Как ты могла с женатым связаться?!

– Боря, прекрати! – я встала между ним и дочерью, раскинув руки, как наседка над цыпленком. – Не смей на нее кричать! Она и так настрадалась!

– А я должен молчать? – рявкнул он, сверля меня глазами. – Моя дочь, моя восемнадцатилетняя дочь, беременна от какого-то подлеца, который даже не собирается на ней жениться! И ты предлагаешь мне улыбаться и хлопать в ладоши?

– А что ты предлагаешь?! – закричала я в ответ, чувствуя, как внутри закипает ответная ярость. – Пойдешь искать его? Морду набьешь? А толку? Ребенок уже есть, Лизе рожать через четыре месяца! Или ты хочешь, чтобы она аборт сделала? Так поздно уже!

– Я хочу знать, кто этот гад?! – Борис ударил кулаком по дверному косяку так, что старая древесина жалобно скрипнула. – Я хочу видеть его рожу! Хочу, чтобы он ответил за то, что сделал с моей девочкой!

– А сам ты за свои поступки отвечать готов? – выкрикнула я, и повисла тишина.

Борис замер.

Посмотрел на меня так, будто я его ударила. Лиза переводила взгляд с отца на меня, не понимая, о чем речь.

– О чем это вы? – спросила она тихо. – Папа? Мама, о чем ты говоришь?

Я глубоко вздохнула. Руки тряслись, но я приняла решение. Хватит. Хватит ему быть праведным судьей, когда у самого рыльце в пушку. Хватит изображать идеального отца, когда он полгода врал своей семье.

– Садись, Лизонька, – сказала я мягко, пододвигая стул и сама опускаясь рядом с дочерью. – Я должна тебе кое-что рассказать. О твоем отце.

– Варвара, не смей, – Борис шагнул вперед, и в голосе его зазвенела угроза. – Не смей сейчас, при ребенке…

– А когда? – я посмотрела на него в упор, не отводя взгляда. – Когда ты сам ей расскажешь? Еще полгода подождем? А может год? Когда твоя "вторая семья" сама к нам в двери постучится?

Лиза побелела.

– Какая вторая семья? Папа? – дрожащим голосом пропищала Лиза.

Борис открыл рот, закрыл, снова открыл. Впервые за сегодня он выглядел растерянным, раздавленным. Гнев схлынул с его лица, оставив вместо себя серую маску усталости и вины.

– Лизонька, – начал он, но осекся.

Я не дала ему собраться с мыслями. Я заговорила сама, глядя дочери в глаза и держа ее за руку:

– Сегодня по дороге сюда твой отец признался мне кое в чем, – я замолчала на мгновение, обдумывая, а стоит ли говорить. Есть еще время дать заднюю. Но потом выдохнув, продолжила. – Оказывается, у него есть еще одна дочь. Ее зовут Зоя и у этой дочери есть муж и годовалый сын. Твой отец узнал о них полгода назад, но предпочел молчать. Встречался с ними тайно, качал внука на руках, а нам с тобой врал.

– Я не врал, – рявкнул муж, – я просто недоговаривал. Это разные вещи, Варь.

– Пусть так, – спокойно отреагировала, но внутри бушевал ураган, готовый смести все вокруг, – и сейчас он требует, чтобы мы с тобой пошли на день рождения этого мальчика и познакомились с его "новой" семьей.

Лиза смотрела на меня круглыми глазами. Потом медленно перевела взгляд на отца.

– Папа? Это правда?

Борис стоял как каменный. Молчал. Потом провел рукой по лицу и глухо выдохнул:

– Правда.

– У меня есть сестра? – голос Лизы дрогнул. – Взрослая сестра, о которой я ничего не знала? И ты молчал все это время?

– Я хотел как лучше, – сказал Борис, и в голосе его не было прежней уверенности. Только усталость. Бесконечная усталость. – Я боялся, что вы с мамой не поймете. Боялся, что ты расстроишься, а тебе нельзя волноваться. Я…

– А сейчас, значит, можно? – перебила Лиза, и в ее голосе вдруг прорезалась сталь, которой я в ней никогда не видела. – Сейчас, когда я узнала, что отец моего ребенка – женатый подлец, мне можно сообщать, что у меня есть еще и сестра, которую папа все это время скрывал?

– Прости, – выдохнул Борис. – Лиз, прости меня.

Он шагнул к ней, протянул руку, но Лиза дернулась, как от огня.

– Не трогай меня. Ты… ты такой же, как он.

– Чего?

– Все вы мужики одинаковые. Врете! Скрываете, делаете детей, а потом их бросаете! Только мой хотя бы сразу сбежал, а ты двадцать лет притворялся любящим отцом!

– Лиза! – рявкнул Борис, но она уже не слушала.

Она вскочила, зажимая рот рукой, и выбежала из кухни. Хлопнула дверь ее комнаты. И тут же оттуда донесся приглушенный, сдавленный плач.

Я сидела, не в силах пошевелиться.

Смотрела на свои руки, сложенные на коленях, и думала: как мы дошли до жизни такой? Еще утром мы были счастливой семьей. А сейчас…

– Доволен? – спросила я тихо, не поднимая глаз на мужа. – Довел дочь до истерики. Молодец, Боря. Хороший отец. Браво!

– Я не хотел этого, – он опустился на стул, где недавно сидела Лиза, и запустил пальцы в волосы. – Не хотел, чтобы так получилось. Не хотел, чтобы вы узнали об этом таким образом. Надеялся подготовить вас, сгладить углы…

– Углы не сглаживаются, Борис. Они остаются острыми, и о них можно порезаться, – я поднялась, чувствуя нечеловеческую усталость во всем теле. – Я пойду к дочери. А ты… делай что хочешь. Можешь ехать к своей Аллочке, можешь остаться. Мне все равно.

– Не начинай, пожалуйста, Варь.

Я пошла к выходу, но у двери остановилась и обернулась:

– Знаешь что? Ты думал, что самое страшное уже случилось. Что дочь у тебя есть внебрачная, что внук есть и это предел. А я тебе так скажу: жизнь – злая штука. Она любит подкидывать сюрпризы. Кто знает, может быть, это не последняя тайна, которую ты от нас скрываешь, а?! Может быть, у тебя есть еще дети? Или, может быть, отец того мальчика, от которого беременна Лиза – это кто-то из твоих новых "родственников"? А, Боря? Представь, как весело будет, если окажется, что мы все связаны одной веревочкой?

5.

Я сказала это просто так, в сердцах, чтобы больнее ужалить. Чтобы он хоть на миг почувствовал ту боль, что разрывала мне грудь.

Борис побелел.

– Ты… ты что несешь? – голос его дрогнул, и снова я увидела в его глазах не гнев, а раздражение. – Какие еще дети? Какие родственники? Варя, опомнись!

– Это ты опомнись, Боря! – я уже не контролировала себя. Слова лились потоком, и я не могла их остановить. – Ты полгода врал мне о существовании взрослой дочери! Полгода я жила с чужим человеком, даже не подозревая об этом! А теперь ты смеешь читать морали Лизе? Смеешь осуждать ее за то, что она связалась с женатым? Да кто ты такой, чтобы судить?!

– Я ее отец, – прохрипел он, поднимаясь. – И имею право поучать.

– Ты потерял это право, когда соврал нам в первый раз, – проговорила я в ответ, чувствуя, как слезы душат меня. – И не смей больше повышать на меня голос! Не смей!

Я выскочила из кухни, хлопнув дверью так, что задребезжали стекла в шкафу. Сердце колотилось где-то в горле, руки тряслись, ноги подкашивались. Я прислонилась к стене в коридоре и попыталась отдышаться.

Из комнаты Лизы доносился плач. Тихий, надрывный, безнадежный. Моя девочка. Моя маленькая девочка, которую я не смогла уберечь.

Я постучала и вошла, не дожидаясь ответа.

Лиза сидела на кровати, обняв подушку. Лицо мокрое от слез, глаза красные и опухшие. Она подняла на меня взгляд – и в этом взгляде было столько боли, что у меня сердце разорвалось.

– Мама, – прошептала она. – Мамочка, мне страшно. Я совсем одна. У меня никого нет.

– Глупенькая, – я села рядом, обняла ее, прижала к себе, чувствуя, как дрожит ее худенькое тело. – Как же одна? У меня есть ты, у тебя есть я. И этот малыш, – я положила ладонь на ее живот, понимая, что под рукой бьется новая жизнь. Такая маленькая, беззащитная, но уже живая. – Он ни в чем не виноват. И мы справимся. Мы всегда справлялись, помнишь?

– Помню, – прошептала Лиза. – Мам, а папа… он правда все это время… у него другая дочь?

– Правда, – вздохнула я. – Я сама узнала сегодня. Представляешь? Больше двадцати лет где-то живет девушка, в которой течет кровь твоего отца. Но самое страшное, он знал об этом полгода, но молчал.

– Почему? – Лиза подняла на меня заплаканные глаза. – Почему он не сказал сразу?

– Боялся, – горько усмехнулась я. – Боялся, что мы не поймем. Боялся, что ты расстроишься. Боялся, что я уйду. Только вот правда все равно вылезла. И теперь больнее в сто раз.

– А какая она? – тихо спросила Лиза. – Эта… Зоя?

– Я не знаю, – честно ответила я. – Я ее никогда не видела. Знаю только, что она замужем и у нее годовалый сын. И что она хочет с тобой познакомиться.

– Со мной? – Лиза удивленно моргнула. – Зачем?

– Затем, что вы сестры, Лизонька. Единокровные. У вас один отец. И она, видимо, хороший человек, раз хочет наладить отношения.

Лиза замолчала. Задумалась. А потом вдруг спросила:

– Мам, а как зовут ее мужа?

Вопрос застал меня врасплох.

– Не знаю, – растерянно ответила я. – Борис не говорил. А что?

– Просто… – Лиза отвела глаза. – Просто тот человек в парке… его жена была такая красивая, молодая. Я подумала… вдруг это…

Она не договорила. Но я поняла. Холодок пробежал по спине.

– Лизонька, ты думаешь… – я сглотнула. – Нет. Не может быть. Это было бы слишком…

– Слишком что? – горько усмехнулась Лиза. – Слишком страшно? Слишком больно? Мама, после сегодняшнего дня я готова ко всему. Папа больше двадцати лет скрывал от нас свою тайную дочь. Чем черт не шутит?

Я молчала.

В голове не укладывалось. Неужели возможно такое совпадение? Неужели тот подлец, что разбил сердце моей дочери, может оказаться мужем…

– Не думай об этом сейчас, – твердо сказала я, отгоняя страшные мысли. – Завтра будет видно. А сегодня тебе нужно отдохнуть. Хочешь, я принесу чай с ромашкой?

– Не хочу, – Лиза покачала головой. – Мам, посиди со мной. Просто посиди.

Мы сидели молча, прижавшись друг к другу. За окном темнело, в комнате сгущались сумерки, но никто не зажигал свет. Тишина была такой густой, что, казалось, ее можно резать ножом.

Где-то в доме хлопнула дверь. Потом заработал двигатель машины. Борис уехал.

– Папа уехал, – прошептала Лиза.

– Да, – ответила я, ощущаю, как заколыхалось сердце. – Уехал.

– Куда?

– Не знаю, родная. Может, к ней. К своей новой дочери.

– Мам, а ты его простишь?

Я долго молчала. А потом сказала то, что чувствовала:

– Не знаю, Лизонька. Я вообще ничего не знаю сейчас. Знаю только, что люблю тебя больше жизни. И что мы обязательно справимся. Что бы ни случилось.

Лиза всхлипнула и уткнулась носом мне в плечо, как в детстве. Так она делала, когда была маленькой, когда разбивала коленку или когда мальчишки дразнили в школе.

Я гладила ее по голове, перебирала мягкие светлые волосы и чувствовала, как по щекам текут слезы.

Моя девочка. Моя маленькая девочка, которая сама скоро станет мамой.

– Мам, – прошептала она, не поднимая головы. – А вдруг он правда… ну, этот Олег… вдруг он муж этой… второй дочери моего отца?

– Его зовут Олег? – удивилась я. – Ты не говорила.

– Я сама только сегодня узнала, когда его жена позвала его по имени. Что же делать тогда?

– Тогда, – я глубоко вздохнула, прогоняя страшную картину из головы, – тогда будем решать проблемы по мере поступления. Но ты должна пообещать мне одну вещь.

– Какую? – Лиза подняла на меня заплаканные глаза.

– Не делай глупостей. Не ищи его, не пиши, не звони. Если это действительно он – ситуация настолько запутанная, что одним разговором тут не обойдешься. Там семья, ребенок маленький. Нам нужно подумать, как правильно поступить.

– А если это не он? – с надеждой спросила Лиза. – Если просто совпадение? Ну мало ли на свете Зой и Олегов?

– Может быть, – я кивнула, хотя сердце подсказывало обратное. – Может быть, мы зря накручиваем себя. Завтра папа вернется, мы все спокойно выясним. А сейчас – спать. Тебе нужно отдыхать.

– Я не усну, – Лиза покачала головой. – Каждый раз, как закрываю глаза, вижу его с этой коляской. И ее. Красивую такую, ухоженную. Она на каблуках шла, представляешь? С коляской – и на каблуках. А я… я в разношенных кроссовках хожу, потому что ноги отекают. И живот уже видно, и выгляжу я…

– Ты выглядишь прекрасно, – перебила я строго. – Ты выглядишь как будущая мама – самая красивая женщина на свете. А эти каблуки… знаешь, сколько потом ноги болят? И варикоз, и косточки выпирают. Так что не сравнивай себя с ней. Ты у меня самая лучшая.

Лиза слабо улыбнулась сквозь слезы.

– Мам, ты всегда умеешь утешить. Даже когда все плохо.

– Потому что я мама. Это моя работа, – я поцеловала ее в макушку. – А теперь давай-ка ложись. Я посижу с тобой, пока не уснешь.

Лиза послушно легла, натянула одеяло до подбородка. Я устроилась рядом, поглаживая ее по руке. В комнате было тихо, только слышно было, как за окном шумит ветер в кронах старых яблонь.

– Мам, – снова позвала Лиза, уже сквозь дремоту. – А ты папу правда разлюбила?

Хорошие мои, позвольте порекомендовать вам новинку нашего литмоба!
Измена. Пятилетняя тайна мужа
https://litnet.com/shrt/-UHW

– Что происходит? - упрямо иду к выходу, но охрана мужа меня не пускает.

– Борис Данилович! Пожалуйста, поверьте мне! Я вам клянусь, Леночка правда ваша дочь!

Что этой женщине нужно от моего мужа? Что она такое говорит?

– Уберите её, - слышится брезгливый голос Бори.

А после я и мой муж Борис остаёмся наедине, и он отравляет моё сердце горькой правдой:

– Я изменил тебе пять лет назад. И сегодня выяснилось, что у моего увлечения есть последствия. Я всё проверю, и если окажется, что девочка действительно моя дочь, тогда…

Я думала, что у нас образцовая семья. Любовь, взаимоуважение и глубокое понимание друг друга. Выходит, что последние пять лет я жила во лжи!

Я уверена, нас ждёт развод и гибель нашей любви. Но… Борис не намерен отпускать меня так просто.

6.

– Мам, – снова позвала Лиза, уже сквозь дремоту. – А ты папу правда разлюбила?

Вопрос дочери застал врасплох. Я замерла, не зная, что ответить.

– Я не знаю, Лиз, – честно сказала я. – Я так зла на него… так больно… что не могу сейчас разобраться в своих чувствах. Двадцать лет вместе, а я, оказывается, совсем его не знала. Я его люблю, но теперь какой-то другой любовью. Раньше это было тихое спокойное чувство, даже не знаю с чем сравнить, – я задумалась на мгновение, подбирая слова, – это вот как летнее утро перед рассветом – немного туманное, чуть-чуть прохладное, но необъяснимо прекрасное. Сейчас же это, что-то отвратительно-мерзкое, словно мне вымазали в грязи, которую хрен отмоешь.

– Кажется, я понимаю о чем ты говоришь. Но может быть это просто две грани одной и той же любви. Зная моего папу, я думаю, что он просто не хотел тебя ранить, – тихо предположила Лиза. – А молчал, потому что боялся потерять. Это ведь не измена, мам. Это случилось до вашей свадьбы, правда?

Я уже ничего не понимала. Было это до свадьбы или после? Кажется, сейчас это не имело особого значения. Сердце уже было изранено от одной мысли о том, что мой Боря сделал кому-то ребенка.

– Дело не в том, когда это случилось, – вздохнула я. – Дело в том, что он врал. Полгода смотрел мне в глаза и врал. Каждое утро целовал перед работой и врал. Ложился со мной в одну постель и врал. Понимаешь? Это не просто тайна прошлого. Это предательство настоящего.

Лиза молчала, переваривая мои слова. Потом вдруг сказала:

– Знаешь, мам, я ведь Олега тоже любила. Думала, что он – тот самый, единственный, настоящий. А он меня просто использовал меня и бросил.Теперь не знаю, как назвать то, что я чувствовала: любовь это была или глупость?

– Любовь, дочка, она разная бывает, – я погладила ее по голове. – Иногда она приходит под маской, а потом оказывается обманом. Но это не значит, что твои чувства были ненастоящими. Ты любила и это уже ценно. Даже если объект любви оказался недостойным.

– Доченька, любовь бывает разной, – я ласково погладила ее по голове. Иногда кажется, что вот она настоящая любовь, а потом бац – и это просто обман. Но это не значит, что твои чувства были не настоящими. Ты действительно любила того мужчину, и это самое главное. Даже если этот человек, оказался настоящим подонком.

– А как теперь понять, кто достоин, а кто нет? – прошептала Лиза.

– Время покажет, – ответила я. – Время и поступки. Вот твой Олег обещал любовь, а сам сбежал. Значит, грош цена его словам. А если встретится кто-то, кто будет рядом в трудную минуту, кто не бросит, когда узнает о ребенке – вот тогда и поймешь.

– Таких не бывает, – горько усмехнулась Лиза. – Кому нужна девчонка с чужим ребенком?

– Не говори ерунды, – строго сказала я. – Во-первых, ребенок не чужой, а твой. Самый родной. А во-вторых, жизнь длинная, всякое бывает. Вот у меня, например, есть подруга, которая в тридцать лет вышла замуж за вдовца с тремя детьми. И ничего, счастливы до сих пор. Так что не зарекайся.

Лиза молчала, но я чувствовала, что мои слова падают в благодатную почву. Она чуть расслабилась, дыхание стало ровнее.

– Спи, родная, – прошептала я. – Завтра новый день. Все изменится.

– Правда? – сонно спросила она.

– Правда, – соврала я, потому что не знала, изменится ли что-то к лучшему или станет еще хуже.

Через несколько минут Лиза уснула. Я еще посидела рядом, глядя на ее осунувшееся лицо, на темные круги под глазами, на руки, обнимающие живот во сне. Потом осторожно встала, подоткнула одеяло и вышла в коридор.

В доме было тихо.

Борис не вернулся. Я прошла на кухню, села за стол и уставилась в темное окно. В голове крутились мысли, одна страшнее другой.

Зоя. Олег. Илья. Лиза. Мой будущий внук. Если окажется, что это один и тот же Олег – что тогда? Как нам жить дальше? Как смотреть друг другу в глаза? Как объяснить детям, что они…

Я зажмурилась, прогоняя видения. Нет. Нельзя думать об этом сейчас. Надо дождаться Бориса, все выяснить. Может быть, это просто совпадение. Может быть, муж Зои – какой-нибудь другой Олег. Обычное имя, распространенное.

Но сердце ныло. Предчувствие беды сжимало его ледяными пальцами.

Я сидела так до полуночи, пока в замке не заскрежетал ключ. Борис вошел тихо, увидел свет на кухне, замер в дверях. Вид у него был усталый, но спина прямая, взгляд твердый. Никакой растерянности – только сталь и холодная решимость.

– Не спишь? – спросил он коротко, проходя к столу.

– Жду тебя, – ответила я, не оборачиваясь. – Где был?

– Решал вопросы, – он сел напротив, положил руки на стол. – Варь, разговор есть. Деловой.

Я усмехнулась. Деловой. Даже в такой ситуации он мыслит категориями бизнеса.

– Слушаю.

– Ситуация такая, – Борис говорил ровно, без эмоций, будто докладывал на совете директоров. – У меня есть дочь Зоя. Это факт. Его не отменить. Она хочет познакомиться с Лизой. Я считаю, это правильно. Они сестры. Точка.

– Точка? – я подняла бровь. – А мое мнение не хочешь выслушать?

– Твое мнение я учту, – он посмотрел мне прямо в глаза. – Но решение примем вместе. Без самодеятельности. С другой стороны, у нас проблема с Лизой. Кто-то ее обрюхатил и бросил. Этого козла я найду. Хоть из-под земли достану. И он ответит за то, что сделал. По-мужски.

– Боря, ты не понимаешь… – начала я.

– Я все понимаю, – перебил он. – Лизе нужно поддержать. Зоя может это сделать. У Зои есть ребенок, она уже мать – это будет полезно Лизе. Я хочу, чтобы они встретились в ближайшее время.

– А если я этого не хочу?

– Хочешь, – жестко сказал Борис. – Потому что это в интересах нашей дочери. А ты всегда ставила детей на первое место. Не начинай сейчас играть в гордость, Варвара. Ситуация серьезнее, чем ты думаешь.

Я смотрела на него и не узнавала. За последние полгода он сильно изменился: стал жестким, властным и всегда все решал сам. Раньше я этого не замечала, но сегодня увидела и не могла поверить, что это мой любимый муж.

– А если окажется, что муж Зои – тот самый подлец, от которого беременна Лиза? – выпалила я, сама испугавшись своих слов.

Борис замер. Взгляд его стал колючим, как лезвие ножа.

– С чего ты взяла?

– С того, – я сглотнула ком в горле. – Лиза видела в парке мужчину с коляской. Его жена – молодая блондинка. Она назвала его Олегом. Совпадение?

– Похоже, ты пытаешься высосать драму из пальца. Знаешь, сколько в городе Олегов и блондинок?

– Я ничего не пытаюсь высосать, – нервно ответила я, – просто, если это окажется правдой… я… я не знаю, что мы будем делать.

– Я знаю, – сурово ответил муж и поднялся, – я заставлю этого недоОлега признать ребенка от Лизы, даже если моя вторая дочь будет из-за этого страдать.

Хорошие мои, встречайте еще одну новиночку нашего Литмоба!
Развод. Твоя внебрачная тайна
https://litnet.com/shrt/2eTr

— Пока, пап! — вдруг говорит моя племянница, глядя на моего мужа.

— Пап? Витя, это твои....дети? — я замираю.

— Мила, я всё объясню…, — его голос дрожит.

— Объяснишь? Как ты объяснишь, что у тебя есть дети от моей сестры?

Он молчит. И его молчание кричит громче любых слов.

Я не знала, что у меня есть племянники. Оказалось, есть. И их отец — мой муж. Но есть кое-что, чего не знает никто из них. Я не та, кто промолчит. Я подаю на развод. И мой муж ещё пожалеет, что когда-то, так жестоко предал не только меня, но и наших детей.

7.

– Я знаю, – сурово ответил муж и поднялся. – Я заставлю этого недоОлега признать ребенка от Лизы, даже если моя вторая дочь будет из-за этого страдать.

Мой муж сказал это так буднично, словно речь шла о заключении невыгодного контракта, который нужно разорвать любой ценой. Без тени сомнения. Без капли эмпатии к Зое, которая тоже была его дочерью, пусть и новообретенной.

Я внимательно посмотрела на него. Сказать, что меня это задело? Ничуть. Зоя мне никто. Чужая девка, которую родила какая-то Алла, чтобы испортить мне жизнь. Если Борис готов пожертвовать ее благополучием ради Лизы – что ж, это правильно. Своя рубашка ближе к телу.

– Хорошо, – спокойно сказала я и повела плечом. – Действуй.

Борис замер. Похоже, он ожидал другой реакции. Может, думал, что я начну защищать эту незнакомку? Глупо.

– То есть ты не против? – уточнил он осторожно.

– А с какой стати мне быть против? – я пожала плечами. – Зоя мне кто? Никто. Чужая женщина, о существовании которой я узнала вчера. Пусть сама разбирается со своим мужем. Моя задача – защитить Лизу. А на остальных мне плевать.

Борис смотрел на меня несколько секунд, будто видел впервые. Потом кивнул – то ли принимая мою позицию, то ли просто не желая спорить.

Развернулся и пошел к выходу из кухни. Я двинулась за ним.

Я догнала его уже на лестнице, схватила за руку.

– Куда ты идешь?

– Спать, – он дернул рукой, высвобождаясь. – Уже ночь.

– В спальню? – я встала на ступеньке выше, загораживая проход. – Ко мне?

Борис остановился, посмотрел на меня снизу вверх. В глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку.

– А куда же еще? Это не только твоя спальня. Она вообще-то наша.

– Была наша, – отрезала я. – До того, как ты решил, что можно врать мне полгода. Я не лягу с тобой в одну постель сегодня. И завтра. И послезавтра.

– Варь, не начинай, а, – устало произнёс он. – Я измотан и хочу отдохнуть. Давай отложим разговор до завтра.

– До завтра? – я скрестила руки на груди. – А сегодня ты будешь ночевать в гостиной или кабинете. Где угодно, только не со мной.

– Ты серьёзно? – голос Бориса зазвучал холодно. – Выгоняешь меня из собственной спальни?

– Да, выгоняю, – произнесла я спокойно, хотя внутри меня все кипело. – Ты сам решил обманывать меня. Теперь будь готов столкнуться с последствиями.

– Какими последствиями? – он шагнул ко мне, и я невольно отступила на ступеньку выше. – Ты моя жена. И я не собираюсь спать в гостиной, как провинившийся пес. Хватит, Варвара. Иди в спальню.

– Нет.

– Что?

– Я сказала нет, – повторила я твердо. – Не пойду. Буду спать в комнате Лизы или на кухне. Или вообще не буду спать. Но с тобой… ни за что.

Борис смотрел на меня несколько долгих секунд. В глазах его боролись гнев, усталость и что-то еще, чему я не могла найти названия. Потом он вдруг усмехнулся – криво, нехорошо.

– Ну смотри, – сказал он тихо. – Потом не жалуйся, что я не пытался.

Он развернулся и тяжело зашагал вниз. Через минуту хлопнула дверь гостиной. Я слышала, как он ходит там, шуршит чем-то, ворчит. Потом все стихло.

Я стояла на лестнице, вцепившись в перила, и пыталась отдышаться. Руки тряслись, сердце колотилось где-то в горле. Я победила. Сегодня. Отстояла свое право не быть с ним рядом. Но почему-то радости не было. Внутри было пусто и тоскливо, что хотелось выть.

Утро началось с настойчивого звонка в дверь.

Я вздрогнула, села на кровати и посмотрела на часы. Восемь утра. Кого принесло в такую рань? Уснула я под утро, всю ночь не спала, ворочалась, вспоминая вчерашний разговор с мужем.

Осторожно поднявшись, я потянулась и, накинув халат, направилась к двери. Вечером я заперла ее на ключ, ожидая, что муж может зайти. Но никаких поползновений в сторону спальни не было.

Быстро спустилась в холл и открыла входную дверь. На пороге стояли наши соседи – Юрий и Полина Антипины. Наши лучшие друзья уже лет пятнадцать. Юрий – высокий, седой, с открытым добрым лицом, Полина – миниатюрная, улыбчивая, с корзиной свежих булочек в руках.

– Варвара, привет! – защебетала Полина. – Мы мимо ехали, дай, думаем, заскочим на чай. Вы давно сюда приехали, соскучились по природе, по лесу, да? Ой, а что у тебя лицо такое хмурое? Случилось что?

Я попыталась улыбнуться, но, видимо, вышло неубедительно.

– Доброе утро, – сказала я хрипло. – Проходите. Я как раз чайник ставила.

Юрий внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Только хлопнул по плечу, проходя в дом.

Мы прошли на кухню.

Я возилась с чайником, а Полина уже раскладывала булочки на тарелке и рассказывала последние новости.

– А у нас Влад из командировки вернулся, – говорила она. – Был на конференции в Москве, неделю пропадал. Мы его вчера только увидели. Он спрашивал про Лизу, кстати. Говорит, давно не видел соседку. Мы сказали, что вы здесь, в загородном. Он обещал зайти сегодня, проведать.

Я замерла с чайником в руках.

Влад. Владислав Антипин. Двадцать семь лет, врач-реабилитолог, работает в крупном медицинском центре. С детства влюблен в Лизу, но она всегда смотрела на него как на друга. Умный, красивый, перспективный парень – а она не замечала. Бегала за всякими проходимцами. И вот теперь – беременна от одного из них.

– Варь, ты чего застыла? – Полина удивленно посмотрела на меня. – Чайник перегреешь.

Я очнулась, и сняла чайник с плиты.

– Все нормально, – выдавила я. – Просто не выспалась. Лиза поздно легла, я с ней сидела.

– А что Лиза? – насторожилась Полина. – Заболела?

В этот момент в кухню вошел Борис. Помятый, небритый, с красными глазами – видно, тоже не спал. Увидел гостей, натянул на лицо дежурную улыбку.

– Юра, Полина, привет. Какими судьбами?

– Решили нагрянуть с утра пораньше, – засмеялась Полина. – Соскучились. А вы чего такие хмурые? Поссорились, что ли?

– Да нет, все хорошо, – Борис бросил на меня быстрый взгляд. – Работы много, устали.

Я молчала, глядя в окно.

Юрий переводил взгляд с меня на Бориса и обратно. Понимал, что что-то не так, но не лез.

Мы пили чай, говорили о пустяках. Полина рассказывала про Влада, про его успехи на работе, про то, как он мечтает открыть свой реабилитационный центр. Я слушала вполуха, думая о своем.

Вдруг в коридоре послышались шаги. Легкие, быстрые. Потом голос Лизы:

– Мам, у нас гости? Я слышу голоса.

Она вошла в кухню – заспанная, в длинной футболке, с взлохмаченными волосами. Животик уже заметно округлился, и она машинально прикрывала его рукой, стесняясь.

И в ту же секунду в дверях кухни появился Влад. Как я не заметила, что он зашел в дом.

Он стоял, глядя на Лизу. Его взгляд скользил по ее округлившемуся животу и рукам, которые бережно прикрывали его. Лицо мужчины менялось: сначала на нем появилась радостная улыбка, а затем он застыл в оцепенении.

– Лиза… – выдохнул он.

Тишина повисла в кухне такая, что было слышно, как тикают часы.

Лиза побледнела. Попятилась.

– Влад… ты… ты здесь?..

– Я зашел поздороваться, – голос его звучал глухо, неестественно спокойно. – А ты… ты что беременна?

– Я… – Лиза открыла рот и закрыла. – Влад, я…

– Давно? – перебил он. – Сколько месяцев?

– Четыре, – прошептала она.

Влад медленно перевел взгляд на меня. Потом на Бориса. Потом снова на Лизу.

– Поздравляю, – сказал он тихо. – Ты, наверное, счастлива.

И, не дожидаясь ответа, развернулся и вышел.

Мы все застыли, глядя ему вслед. Полина прижимала руки к груди, Юрий хмурился, Борис ударил ладонью по столешнице и я вздрогнула.

– Варя… – растерянно начала Полина. – Что происходит? Лиза, ты что беременна?..

Но Лиза уже выбежала из кухни. Через секунду хлопнула дверь ее комнаты.

Я сидела, глядя в одну точку, и чувствовала, как рушится все, что еще оставалось целым.

Хорошие мои, позвольте порекомендовать вам новинку нашего Литмоба!
Развод. Подкидыш командира
https://litnet.com/shrt/mEO1

— Это мой ребенок и он будет жить с нами, — спокойно говорит муж.

А во мне все кипит!

— Что? Что ты такое говоришь? Ты его нагулял! Ты изменил мне…

— Но ты же нормально родить не можешь!

Семь долгих лет я, квалифицированный врач, мотаюсь по гарнизонам за своим мужем. В горе, и в радости. Я думала, он меня любит. Оказалось, все это время он вел двойную жизнь…

8.

Борис

Я шел по коридору и чувствовал, как внутри закипает холодная ярость. На этого козла Олега. На судьбу, которая подкинула такое дерьмо. На себя – за то, что молчал полгода, боялся, тянул резину. Если бы я сказал раньше, если бы Варя знала о Зое, может быть, всего этого кошмара удалось бы избежать?

А теперь Лиза там, за дверью, плачет. Моя маленькая девочка, которую я носил на руках, учил кататься на велосипеде, водил в школу. Которая теперь носит под сердцем ребенка от подлеца, оказавшегося чьим-то мужем.

Я остановился у двери Лизы и прислушался. Тишина. Только ее всхлипы – тихие, подавленные, которые разрывали мне сердце.

Постучал.

– Лиз, открой. Это папа.

Тишина. Вдруг раздались шорохи, неспешные шаги. Дверь приоткрылась на несколько сантиметров. В щель мелькнул заплаканный, опухший, покрасневший глаз.

– Пап, уйди. Пожалуйста. Я не хочу никого видеть.

– А я не хочу, чтобы моя дочь ревела в одиночестве, – сказал я твердо, но мягко. Так, как умел только с ней. – Открывай, дочь. Давай поговорим.

– Не о чем говорить, – Лиза всхлипнула. – Ты все видел. Влад теперь знает. Все знают. Я беременна от женатого.Какая же я дура…

– Ты не дура, – перебил я. – Ты моя дочь. И я не позволю тебе так о себе говорить. Открывай, я сказал.

Последние слова прозвучали жестко – привычный командирский тон, который не терпел возражений. Лиза подчинилась и дверь открылась.

Она стояла передо мной – маленькая, худенькая, с мокрым от слез лицом и руками, обнимающими и защищающими живот. И я вдруг понял, что никогда не видел свою дочь такой беззащитной. Даже когда она в детстве падала с велосипеда и разбивала коленки – тогда я мог заклеить ранку пластырем, поцеловать и все становилось хорошо. Сейчас пластырь не помогал.

Я шагнул вперед и обнял ее. Крепко, по-мужски, прижимая к себе, чувствуя, как дрожит ее худенькое тело.

– Тише, – сказал я хрипло. – Тише, Лизонька. Я рядом.

– Пап, – зарыдала она в мою грудь. – Папочка, мне так страшно. Что теперь будет? Влад… он же… он…

– А что Влад? – я отстранился, заглянул ей в глаза. – Ты его любишь?

Лиза замерла. Посмотрела растерянно и медленно покачала головой.

– Влада? Я… я не знаю. Нет, я не люблю его. Он просто друг детства.

– Тогда причем здесь твой друг детства?

– Теперь он знает, как и соседи. Он всем расскажет, – всхлипнула Лиза.

– Не говори ерунды. Этот мальчишка любит тебя и трепаться не станет, – сказал я без тени сомнения.

– Что?

– Только не говори, что ты не знала об этом. Это же видно невооруженным взглядом.

– Я не знала, – покачала головой Лиза и ее губа задрожала.

– Малышка моя, - я расцеловал ее щечки. – Влад давно и, судя по всему, безнадежно в тебя влюблен. Я таких взглядов давно не видел. Знаешь, что было у него в глазах, когда он на тебя смотрел?

– Что? – прошептала Лиза.

– Боль и обида. Потому что он понял: ты беременна не от него, а от кого-то другого. Для мужчины, который любит женщину, это удар под дых, – я вздохнул. – Я сам через это не проходил, слава богу. Но представляю.

– Пап, – Лиза вытерла слезы. – А что мне делать? С Олегом? Он же… женат.

– Олега я беру на себя, – жестко сказал я. – С ним я разберусь. А ты сейчас иди умойся, приведи себя в порядок. У нас сегодня важный день.

– Какой? – испугалась Лиза.

– Мы едем знакомиться с твоей сестрой, – я посмотрел ей прямо в глаза. – К Зое.

– Папа, нет! – Лиза отшатнулась. – Я не могу! Я не хочу ее видеть! Она же… она… А вдруг этот Олег действительно ее муж? Как я посмотрю ей в глаза? Как?

Я помолчал. Этот вопрос мучил и меня. Мы не знали наверняка. У нас были только догадки – имя, возраст, светловолосая жена. Слишком много совпадений, но не факт. В конце концов, Олегов в городе много.

– Не забегай вперед, – сказал я твердо. – Сначала мы просто познакомимся. Увидим ее, увидим его. Может быть, это вообще другой человек. И мы зря себя накручиваем.

– А если нет? – прошептала Лиза.

– Если нет – тогда будем решать, – ответил я. – Вместе. Всей семьей. Но гадать и бояться раньше времени не будем. Поняла?

Лиза кивнула, но в глазах ее все еще плескался страх.

– Ты будешь смотреть в глаза мне, – добавил я мягче. – И держаться за мою руку. И молчать, если захочешь молчать. Говорить буду я. Ты просто будешь рядом.

Лиза смотрела на меня и видела в моих глазах ту самую стальную решимость, которая всегда вселяла в нее уверенность.

Папа рядом. Папа защитит. Папа все решит.

– Поняла, – прошептала она.

– Вот и умница. А теперь иди умойся, – я легонько подтолкнул ее к ванной. – Мы выезжаем через два часа.

Она кивнула и скрылась за дверью ванной. Я слышал, как зашумела вода, и вдруг почувствовал такую усталость, что ноги подкосились. Прислонился плечом к стене, закрыл глаза.

Господи, как же все запутано. Зоя. Лиза. Олег. Если этот подлец окажется мужем Зои… Две дочери, один ублюдок. И я между ними, разрываюсь на части. А Варя… Варя смотрит на меня так, будто я предатель. Будто это я виноват во всем.

Хотя… может, и виноват. Если бы не молчал, если бы сразу все рассказал – может, и правда удалось бы избежать этого кошмара.

Но что теперь об этом думать? Теперь надо решать. По-мужски. Жестко. Чтобы этот козел, который обрюхатил мою дочь, ответил за все.

Я оторвался от стены и пошел вниз.

На кухне сидела Варя – одна, с остывшей кружкой в руках, и смотрела в окно. Красивая даже сейчас, даже с этим затравленным выражением лица. Моя жена. Моя женщина, которую я предал своим молчанием.

Она не обернулась на мои шаги. Сидела, как каменная.

Я остановился в дверях.

– Через два часа выезжаем, – сказал коротко. – Варь, ты с нами?

Хорошие мои, еще одна новиночка нашего Литмоба!
Развод. Между нами твоя тайна
https://litnet.com/shrt/kIS4

- Объясни... Что происходит? – я смотрю на мужа, потом перевожу взгляд на семилетнего мальчика, который очень похож на Игоря.

- У меня есть сын. Он старше нашей дочери на два месяца, - заявляет муж.

- Почему ты раньше мне не рассказал про то, что у тебя есть ребенок? – выдыхаю я.

- Потому что, Лиза, если бы я сказал правду, ты бы отменила свадьбу. Я не хотел тебя потерять.

- Если бы не ты, мой сын рос бы в полноценной семье! Ты увела у меня мужчину! - заявляет незнакомка, обнимая мальчика. – Теперь Тимоша будет жить с отцом, я устала одна воспитывать ребенка.

У меня дрожат руки. Увела? Но когда мы встретились, Игорь клялся, что свободен. Он лгал мне! Он семь лет скрывал, что у него есть сын от другой женщины.

Я беременна, у нас с Игорем скоро родится вторая дочь. И я не представляю, как теперь жить дальше.

9.

Варвара

Я сидела на кухне, глядя в окно, и думала о том, как же мне все это надоело. Борис, его тайны, его вторая семья, его проблемы. С какой стати я должна в этом участвовать? С какой стати моя дочь должна ехать знакомиться с какой-то бабой, которую родила его бывшая любовница?

– Через два часа выезжаем, – раздался сзади его голос. – Варь, ты с нами?

Я медленно повернулась и посмотрела на него. Стоит в дверях, такой уверенный, такой решительный. Командир бляха-муха. Глава семьи. Решил, что мы все поедем знакомиться с его новообретенной доченькой.

– Нет, – ответила я коротко и отвернулась. Сделала глоток чая и выдохнула.

Борис нахмурился.

– В смысле – нет? Мы же договорились.

– Это ты договорился, сам с собой. Я ни с кем не договаривалась, – я встала, оперлась руками о стол. – Я никуда не еду и Лизу на твою сходню не пущу.

– Варь, не начинай, – в голосе его зазвенел металл. – Мы уже все обсудили.

– Мы ничего не обсудили, Боря. Ты мне приказал. А я не принимаю приказы от человека, который полгода врал мне в лицо.

Он шагнул вперед, сжав кулаки.

– Дело сейчас не в нас, пойми. Дело в Лизе. Она должна познакомиться с сестрой.

– Сестрой? – я рассмеялась ему в лицо. – Ты называешь сестрой девку, которую родила твоя любовница, пока я была с тобой? Для меня она никто. Для Лизы… тем более. И если ты думаешь, что я повезу свою дочь в гости к бабе, которая трахала моего мужа, ты сильно ошибаешься.

– Варвара, – рявкнул Борис. – Прекрати истерику. Алла не была моей любовницей. Это было до нас.

– А мне плевать, когда это было! – закричала я. – Мне плевать на твою Аллу, на твою Зою, на твоего внука! Это не моя семья! У меня одна семья – я и моя дочь с будущим внуком. И Лиза никуда не поедет.

Борис смотрел на меня, и я видела, как в его глазах закипает ярость.

Ну давай, дорогой. Покажи свое истинное лицо. Я уже ничего не боюсь.

– Значит так, – сказал он жестко, чеканя каждое слово. – Я еду. Один. А ты оставайся здесь со своей гордостью. Но запомни: это твой выбор, не мой.

– Прекрасно, – я сложила руки на груди. – Езжай к своей Аллочке, к своей Зое, к своему внуку. Скатертью дорога. Только по пути не забудь заскочить к адвокату и подать на развод. Потому что жить я с тобой после этого не буду. Всё. Точка.

Борис побелел.

– Ты сейчас серьезно?

– Абсолютно, – я смотрела ему прямо в глаза и внутри у меня было так холодно, что я сама не верила. Никакой ярости и огня, один сплошной металл. – Ты предал меня, Боря. Не тогда, двадцать лет назад, а сейчас. Своим молчанием, своей ложью, своим решением все решать за меня. Я больше не хочу быть с человеком, которому не доверяю.

– Дура, – выдохнул он. – Какая же ты дура, Варвара.

– Возможно, – я пожала плечами. – Но это моя жизнь и я ею распоряжаюсь сама. Так что давай, собирай вещи и вали к своим. А мы с Лизой как-нибудь без тебя проживем.

Борис смотрел на меня еще несколько секунд, потом резко развернулся и вышел из кухни.

Я слышала, как он тяжело топает по лестнице, как хлопает дверью спальни. Наверное, собирает вещи.

Я опустилась на стул и выдохнула. Руки тряслись, сердце колотилось где-то в горле. Но я сделала это. Я сказала все, что думала. И пусть катится.

– Мам?

Я вздрогнула и обернулась. В дверях стояла Лиза, умытая, причесанная, с решительным выражением лица. Только глаза еще немного красные, следы недавних слез.

– Лизонька, ты слышала?

– Всё слышала, – она подошла ко мне, села рядом. – Мам, я еду с папой.

Я замерла.

– Что?

– Я еду с папой, – повторила Лиза твердо. – К Зое и к ее мужу.

– Ты с ума сошла? – я схватила ее за руки. – Зачем? Чтобы на них посмотреть? Чтобы увидеть, как этот подлец смотрит на свою жену?

– Чтобы посмотреть ему в глаза, – Лиза говорила спокойно, но в голосе ее звенела сталь, которой я никогда раньше не слышала. – Если этот Олег, тот самый, который меня бросил, я ему прямо так глаза выцарапаю, что родная мать не узнает.

Я смотрела на дочь и не узнавала ее.

Куда делась та испуганная девочка, которая рыдала у меня на плече? Передо мной сидела женщина. Злая и решительная. Готовая защищать себя и своего ребенка.

– Лизонька, – осторожно начала я. – Это опасно. Мы не знаем, что там за люди. Вдруг он агрессивный? Вдруг она… мало ли.

– Мам, – Лиза сжала мои руки. – Со мной будет папа. Ты же знаешь, с ним я как за каменной стеной. Он не даст меня в обиду. А я должна это сделать. Должна посмотреть на них. На нее. На ту, которую он выбрал вместо меня. И на него. Этого подлеца, который сделал мне ребенка и сбежал. Я должна понять, что это за люди.

– А если это не он? Если просто совпадение?

– Тогда я познакомлюсь с сестрой, как папа и хотел, – Лиза усмехнулась. – Две сестры, одна беременная, другая с ребенком. По-моему, будет весело.

Я молчала, переваривая ее слова.

Моя девочка выросла. За одну ночь, она из испуганного подростка превратилась в женщину, готовую сражаться.

– Я поеду с вами, – сказала я решительно.

– Нет, мам, – Лиза покачала головой. – Ты же сама сказала папе, что никуда не поедешь. Что не хочешь иметь ничего общего с этой семьей. Я не буду тебя заставлять.

– А ты не заставляешь. Я сама хочу.

– Мам, – Лиза посмотрела мне прямо в глаза. – Останься. Пожалуйста. Если я увижу там этого Олега, если начну выяснять отношения… мне будет легче, если я буду знать, что ты дома. Что ты ждешь меня. Что есть куда вернуться.

– А если он тебя ударит? – прошептала я.

– Папа не даст, – твердо сказала Лиза. – А если даст, я вмажу в ответ. Я теперь не одна, мам. Я за двоих отвечаю, – она положила руку на живот.

Я смотрела на нее и чувствовала гордость. А еще страх. И любовь – такую огромную, что, казалось, сердце сейчас разорвется.

– Хорошо, – сказала я наконец. – Езжай. Но если что, звони сразу. Я примчусь. Разорву всех.

– Знаю, мам, – Лиза улыбнулась сквозь слезы. – Ты у меня та еще тигрица.

Мы обнялись.

Крепко-крепко, как в детстве, когда она боялась темноты, а я обещала, что в комнате никакого чудовища нет.

Сзади послышались шаги. Борис стоял в дверях с небольшой сумкой в руке.

– Я готов, – сказал он коротко. И вдруг увидел Лизу. – А ты чего здесь? Иди собирайся, через час выезжаем.

– Я уже готова, пап, – Лиза встала. – Я еду с тобой.

Борис перевел взгляд на меня. В глазах его было удивление и вопрос.

– Я остаюсь, – ответила я на незаданный вопрос. – А Лиза… она сама решила.

– Мама не хочет, – Лиза подошла к отцу. – Но я хочу. Я должна это сделать, пап. Ты отвезешь меня?

Борис смотрел на дочь, и я видела, как в его глазах появляется то самое выражение – смесь гордости и тревоги.

– Отвезу, – сказал он хрипло. – Конечно, отвезу.

– Только обещай, – Лиза подняла на него глаза, – что если этот Олег окажется тем самым… ты не будешь меня останавливать.

– Что ты задумала? – насторожился Борис.

– Ничего особенного, – Лиза усмехнулась. – Просто хочу посмотреть ему в глаза. И, может быть, поцарапать его красивую рожу.

Муж усмехнулся в ответ, впервые за последние сутки.

– Договорились, – сказал он. – Только сначала я сам поговорю с ним. По-мужски.

– Идет, – кивнула Лиза.

Они стояли рядом, отец и дочь. Два одинаково упрямых человека. Два бойца.

А я сидела за столом и чувствовала, как внутри все переворачивается. Моя девочка едет на войну. А я остаюсь здесь, ждать и молиться, чтобы все обошлось.

– Варь, – Борис посмотрел на меня. – Ты точно не с нами?

– Точно, – ответила я, глядя ему в глаза. – Но если с Лизой что-то случится, я тебя собственными руками придушу. Понял?

– Понял, – кивнул он. – Не случится. Обещаю.

Хорошие мои, встречайте новинку нашего Тайного Литмоба!

Развод. Сын, которого ты скрывал

https://litnet.com/shrt/LNb_

— Оль, скажи честно, как врач... У него ведь, наверное, патологии, несовместимые с жизнью? — Влад сглатывает, глядя на меня в зеркало. — Он... он умрёт?

У меня темнеет в глазах. Я смотрю в его красивое, родное лицо и вижу чудовище.

— Он здоровее тебя, Влад. У него только грыжа. А у тебя — гниль вместо сердца. И это не лечится!

В эту ночь я спасла ребёнка собственного мужа. Я не знала, кто его отец, просто делала свою работу.

А вот мой любимый, идеальный муж, как выяснилось, давно заплатил, чтобы этот малыш никогда не сделал первый вдох.

Но мальчик выжил. Вопреки страшным диагнозам, таблеткам и предательству родных родителей.

А вот судьба моего брака теперь под вопросом!

10.

Борис

Мы выехали со двора и молчали всю дорогу до трассы. Лиза сидела рядом, пристегнутая, сцепив руки на животе, и смотрела в окно. Я косился на нее, но не решался заговорить. Она оказалась умнее.

– Пап, – сказала она тихо, когда мы вырулили на шоссе. – Ты хочешь знать, как это случилось?

Я сжал руль крепче.

– Если ты готова рассказать, дочь.

– А если не готова?

– Тогда молчи, – ответил я. – Твое право. Я не лезу.

Лиза усмехнулась горько.

– Лезут все. Мама лезет, ты лезешь, соседи лезут. Все хотят знать, кто сделал мне ребенка и куда смотрела моя голова. Только мне от этого не легче.

– Лиз...

– Нет, пап, ты спросил, я отвечу, – она повернулась ко мне. В глазах ее была та самая сталь, которую я уже заметил утром. – Я познакомилась с ним в универе. Он был там по делам, в совете меценатов или попечителей, я не поняла. Какая-то комиссия приезжала, проверяла что-то, ну и его включили в состав. Красивый, взрослый, уверенный. Подошел ко мне в буфете, спросил, где тут можно выпить нормальный кофе, а не эту бурду. Разговорились. Он сказал, что его зовут Марат, что он бизнесмен, что у него свое дело. Про жену – ни слова. Про ребенка – ни слова.

Я слушал и чувствовал, как внутри закипает знакомая ярость. Этот ублюдок представился бизнесменом. Меценат хренов. Приехал в университет поглазеть на студенток и выбрал мою дочь.

– Он красиво ухаживал, – продолжала Лиза, глядя в окно. – Цветы, рестораны, подарки. Говорил, что я особенная, что таких, как я, больше нет. Что хочет быть со мной, что мы будем вместе всегда. Я поверила, пап, – дочь осипла и я понял, что она плачет. – Я же молодая, глупая, первый раз такое внимание от взрослого мужчины. Я думала – вот оно, счастье. Любовь до гроба.

– А он, – сквозь зубы процедил я, – просто развлекался.

– Выходит, что так, – Лиза вздохнула. – Два месяца мы встречались. Два месяца, пап. Я была на седьмом небе. А потом я сказала, что беременна. И он... он просто исчез. Телефон отключил, в университете больше не появлялся, соцсети заблокировал. Как будто и не было ничего. Я думала, с ума сойду. Искала его, писала, звонила – ноль. Пустота.

Я молчал.

Слова застревали в горле. Моя девочка. Моя маленькая девочка, которую я обещал защищать от всех бед, пострадала от какого-то гребаного мудака.

– А вчера я увидела его в парке, – голос Лизы дрогнул. – С коляской. С женой. С ребенком. Он улыбался, целовал ее, катал малыша. Счастливая семья. А я стояла за деревом и смотрела. И думала: как же так? Почему он там счастлив, а я здесь одна, беременная, брошенная?

Я не выдержал. Съехал на обочину, включил аварийку и повернулся к дочери.

– Лиза, посмотри на меня.

Она подняла глаза. В них блестели слезы, которые скатывались по щекам, оставляя соленые дорожки.

– Ты ни в чем не виновата, – сказал я твердо. – Слышишь? Ни в чем. Ты поверила человеку, который соврал тебе с первого слова. Ты не знала, что он женат. Ты не знала, что у него ребенок. Ты не знала ничего. Ты жертва, а не виноватая.

– А мне от этого не легче, пап, – прошептала она. – Я все равно чувствую себя дурой. Как я могла не заметить? Как могла лечь с ним в постель? Как могла поверить?

– Потому что ты хотела верить. Потому что он говорил то, что ты хотела слышать. Потому что ты молодая и наивная, – я взял ее за руку. – И это не стыдно, Лиз. Стыдно должно быть ему. Тому, кто соврал, обманул, бросил. А ты – молодец. Ты решила рожать, ты не сломалась, ты едешь сейчас смотреть ему в глаза. Это настоящий поступок.

Лиза сжала мою руку в ответ.

– Спасибо, пап.

– Не за что. А теперь скажи мне вот что, – я посмотрел ей прямо в глаза. – Ты готова к тому, что мы сейчас увидим? К тому, что он будет делать вид, что не знает тебя?

– Готова.

– А если он начнет отпираться? Говорить, что видит тебя впервые?

– Тогда я покажу ему фото, – Лиза достала телефон. – У меня есть наша переписка. И фото, где мы вместе. Пусть попробует отвертеться.

Я усмехнулся. Умница. Моя дочь умница.

– Хорошо. Тогда поехали.

Я вырулил обратно на трассу. До дома Костровых оставалось минут двадцать. Я чувствовал, как напряжение растет с каждым километром. Лиза молчала, глядя в окно, но я видел, как она сжимает и разжимает кулаки. Готовится.

– Пап, – сказала она вдруг. – А если она не поверит? Зоя? Если она встанет на его сторону?

– Тогда будем разбираться с ними обоими, – ответил я жестко. – Она его жена или кто? Если она захочет закрыть глаза на то, что ее муж сделал ребенка другой женщине – это ее выбор. Но мы будем требовать свое. Алименты, признание отцовства, все по закону.

– А если он откажется от теста ДНК?

– Суд назначит принудительно, – я пожал плечами. – Не в первый раз. У нас хорошие адвокаты, Лиз. Я уже думал об этом.

Она посмотрела на меня с удивлением.

– Ты уже думал об адвокатах?

– А ты думала, я просто так еду знакомиться? – усмехнулся я. – Я еду решать проблему. И у меня есть план.

Лиза молчала несколько секунд, потом вдруг улыбнулась – впервые за долгое время.

– Спасибо, пап. Ты правда... ты правда всегда за меня.

– А ты сомневалась? – я подмигнул ей. – Я за тебя кого угодно порву. Даже если это муж моей второй дочери. Мне вообще плевать, кто он. Он тронул тебя – значит, ответит.

Сомнения после слов Лизы грызли меня.

“А что если, этот ублюдок, что сделал моей дочери ребенка – Олег? Господи, только не это. Зоя, Лиза... мои девочки. Нет, не может быть. Совпадений не бывает, но это было бы слишком жестоко. Ладно, разберемся на месте”.

Мы въехали в коттеджный поселок. Я сбавил скорость, вглядываясь в номера домов. Алла дала точный адрес. Вот он, двухэтажный кирпичный особняк с зеленой крышей и ухоженным палисадником.

Я остановил машину напротив калитки. Лиза смотрела на дом, и я видел, как она побледнела.

– Лиз? – осторожно позвал я.

– Я в порядке, – выдохнула она. – Просто... страшно.

– Я рядом, – сказал я, выходя из машины. – Держись меня и ничего не бойся.

Она кивнула, взяла меня под руку, и мы пошли к кованой калитке. Я нажал кнопку звонка, медленно убрал руку. В глубине дома залаяла собака, послышались шаги.

А потом дверь открылась, и я увидел…

Хорошие мои позвольте порекомендовать вам новинку нашего Литмоба!

Развод. Если сердце дрогнет

https://litnet.com/shrt/DyK3

– Мне нужен Максим Калугин, – говорит незнакомая женщина, стоя на пороге нашей квартиры.

– Это мой муж.

– Хорошо, – довольно кивает она. – Потому что я привела его дочь.

Муж клянётся, что не изменял мне, но девочка похожа на него как две капли воды. Я не знаю, кому верить, но одно мне известно точно: наша прежняя жизнь закончилась.

11.

Борис

А потом дверь открылась, и я увидел… Максима.

Мужа Аллы. Отчима Зои. Того самого человека, который растил мою вторую дочь все эти годы, пока я даже не подозревал о ее существовании.

Высокий, накачанный, гладко выбритый мужик с небольшой сединой в волосах. Он смотрел на нас без враждебности, но и без радости. Скорее с настороженностью человека, которого втянули в чужую драму помимо его воли.

– Борис, – кивнул он сухо и протянул мне руку. – Проходите. Мы вас ждем.

Мы перешагнули порог. Лиза все еще держала меня под руку, и я чувствовал, как дрожит ее ладонь.

Максим закрыл дверь и жестом пригласил нас в гостиную. Я мельком оглядел холл – дорогой ремонт, со вкусом, но без души. Как в отеле. Чувствуется рука Аллы, но не Максима.

– Разувайтесь, проходите. Я... э... пойду позову Аллу. Она на кухне с Зоей.

Мы сняли обувь, прошли в гостиную. Просторная комната с дорогой мебелью, большим телевизором на стене и детским манежем в углу, в котором ворочался малыш – Илья, мой внук. Тот самый, которого я уже успел полюбить, хоть и видел всего несколько раз.

Лиза замерла на пороге, глядя на ребенка. Я видел, как ее рука инстинктивно легла на живот.

– Милый… малыш, – прошептала она.

– Да, – ответил я тихо. – Милый.

Я смотрел на внука, а сам краем глаза следил за дверью. Ждал. Сердце пропустило удар, когда я услышал шаги.

В гостиную вошла Алла с подносом чашек. Когда наши взгляды встретились, я на секунду вернулся в прошлое. Двадцать лет назад она была для меня целым миром. А потом мы разошлись, и жизнь пошла своим чередом. Сейчас, глядя на нее, я чувствовал только легкую ностальгию… и ничего больше. Прошлое осталось в прошлом. И возвращать наши отношения в будущее, я планировал.

– Борь, привет, – сказала она тихо, ставя поднос на стол.

– Алла, – кивнул я. – Здравствуй.

Я перевел взгляд на Зою, которая вошла следом. Моя вторая дочь. Красивая, светловолосая, с большими глазами, в которых сейчас плескалось волнение.

И вдруг рядом со мной что-то изменилось.

Лиза буквально окаменела. Я почувствовал, как ее пальцы впились в мою руку с такой силой, что стало больно. Она смотрела на Зою, и в глазах ее разрастался ужас.

Я понял, что она узнала ее. Ту самую женщину из парка. Ту, что шла рядом с Олегом, держа его за руку. Ту, что смотрела на него с обожанием, пока моя дочь пряталась за деревом.

– Лиз, – тихо сказал я, наклоняясь к ней. – Только не здесь, пожалуйста. Держись.

Она судорожно кивнула, но я видел, как ей трудно. Как ей хочется закричать, разрыдаться, убежать, но она держалась. Моя девочка держалась.

Зоя тем временем взяла из манежа проснувшегося Илью и прижала к себе.

– Здравствуйте, – сказала она тихо, глядя на Лизу. – Вы... вы Лиза?

Лиза кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Они смотрели друг на друга – две дочери, две сестры, одна беременная, другая с ребенком на руках. И в этом взгляде было столько всего, что у меня самого сжалось сердце.

– Проходите, садитесь, – Алла суетилась, указывая на диван. – Я чай поставила. Вы с дороги, наверное, устали.

– Спасибо, – ответил я, усаживая Лизу. Сам сел рядом, на подлокотник, чтобы быть ближе к дочери.

Алла вышла на кухню за печеньем. Максим пристроился в кресле с телефоном, делая вид, что читает, но я видел – он следит за каждым моим движением.

Зоя осталась стоять, переминаясь с ноги на ногу, качая на руках малыша. Неловкая, напряженная пауза. Я понимал, что всем нам сейчас было неудобно. Все же нестандартная ситуация. Хотя, я надеялся, что будет легче.

– А где... – начал я осторожно. – Где твой муж, Зой?

Дочь вздрогнула, словно я спросил у нее о чем-то страшном.

– Олег? А он... он уехал. Срочно вызвали на работу. Какие-то проблемы в офисе. Сказал, что вернется позже.

Я почувствовал, как Лиза напряглась рядом. Вот так новость. Уехал. В тот самый день, когда мы должны были приехать.

– Жаль, – сказал я ровно. – Мы хотели познакомиться.

– Он тоже хотел, – Зоя говорила спокойно, покачивая малыша. – Правда. Он очень хотел. Но работа... Вы же понимаете, у него свой бизнес. Такое бывает.

– Бывает, – согласился я, глядя ей в глаза. – И часто его вызывают в выходные?

Зоя смутилась и улыбнулась. Вернувшаяся Алла бросила на меня быстрый взгляд, но ничего не сказала. Поставила печенье на стол и села рядом с Максимом.

– Олег много работает, – сказала она примирительно. – Очень много. Зоя иногда жалуется, что совсем его не видит. Но Олежа для семьи старается.

– Для семьи, – повторил я задумчиво, – понятно.

Лиза молчала. Сидела, сцепив руки на животе, и смотрела на Зою. Я видел, как она изучает ее лицо, ее фигуру, ее манеру держаться. И видел, как с каждым мгновением ей становится все труднее сдерживаться.

– Лиза, – тихо сказал я. – Ты как?

– Нормально, – выдавила она. – Просто... затекла спина немного. Долго сидеть тяжело.

– Может тебе… эмм… вам прилечь? – предложила Алла участливо. – У нас есть комната...

– Нет, спасибо, – Лиза покачала головой. – Я посижу.

Зоя села напротив, на краешек кресла. Смотрела на Лизу, и я видел, как в ее глазах появляется что-то похожее на понимание. Или подозрение.

– Ты... – начала она осторожно. – Ты давно узнала обо мне?

– Вчера, – ответила Лиза коротко.

– Вчера? – Зоя удивилась и посмотрела на меня. – Но папа... то есть Борис... он мы… познакомились полгода назад.

– А нам с мамой сообщил только вчера. По дороге в загородный дом. – Лиза говорила ровно, но в голосе чувствовалось напряжение.

Зоя посмотрела на меня. В ее взгляде было что-то похожее на осуждение.

– Вы не сказали им?

– Не сказал, – ответил я жестко. – Я слишком долго собирался, а вчера вдруг решился.

Повисла неловкая пауза. Максим кашлянул, Алла зазвенела чашками.

Лиза смотрела, как Зоя укачивает Илью. Смотрела на ребенка того самого мужчины, который сделал ей ребенка и сбежал. Я видел, как дернулся ее подбородок, как она закусила губу, чтобы не разрыдаться.

– Красивый, – сказала Лиза вдруг, глядя на Илью. – Сколько ему?

– Год почти, – ответила Зоя, и в голосе ее зазвучала гордость. – Через три дня исполнится.

– Поздравляю, – Лиза улыбнулась, но улыбка вышла кривой. – Хороший малыш, здоровенький.

– А у тебя... – Зоя запнулась, глядя на живот Лизы. – У тебя тоже все хорошо будет?

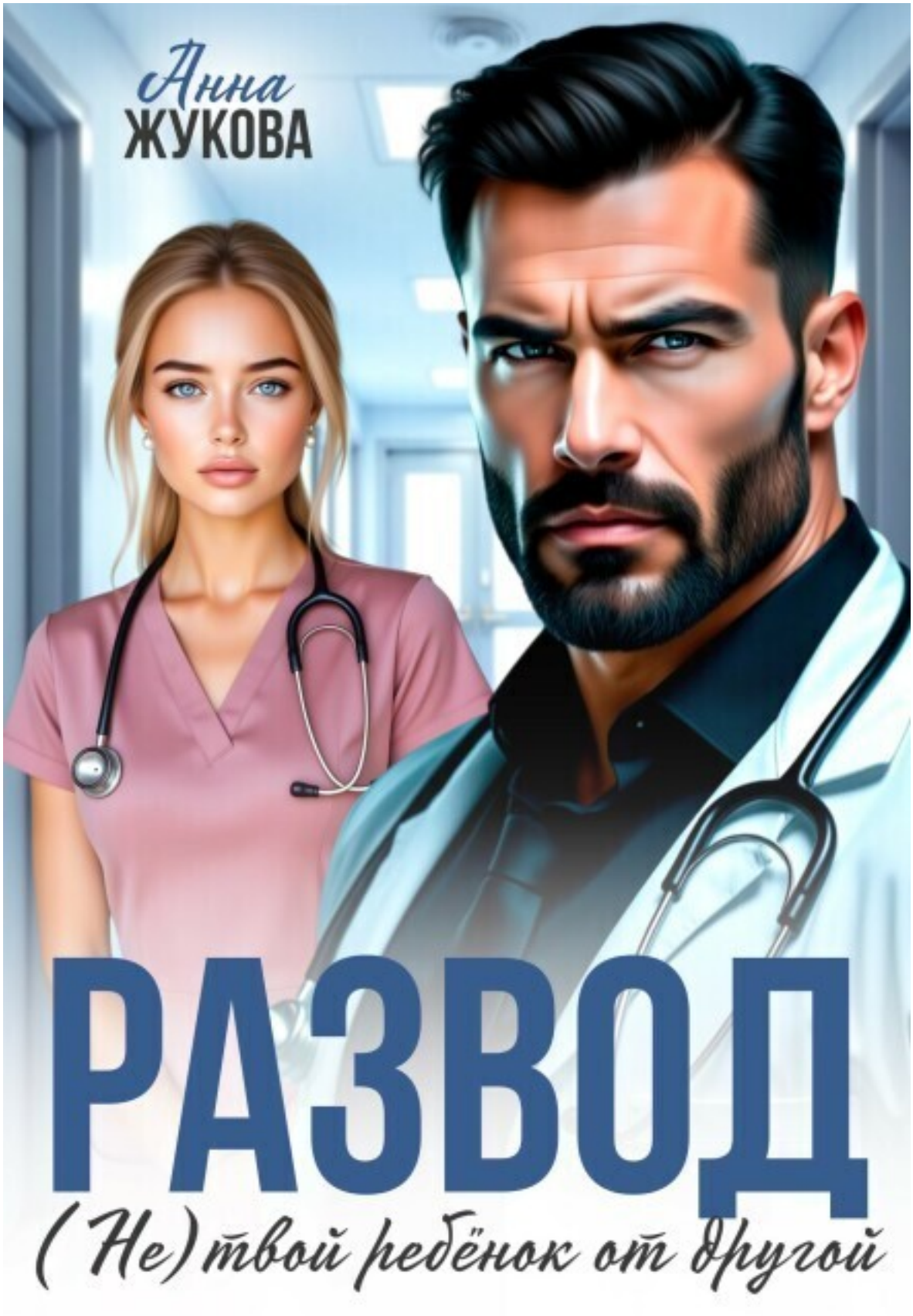
– Будет, – Лиза кивнула и посмотрела на меня. – Через пять месяцев. Осталось подождать недолго.

– Время быстро пролетит. Ты и не заметишь, – расслабленно сказала Лиза, целую своего сына. – А твой муж, мальчика хочет или девочку?

Хорошие мои, позвольте порекомендовать еще одну новинку нашего Литмоба!

Развод. (не) твой ребёнок от другой

https://litnet.com/shrt/iwZx

Муж стоял посреди прихожей, ещё не сняв пальто, на руках у него сидел малыш.

— Это кто? — я сделала шаг вперёд. — Кто-то попросил посидеть? Коллега? Ой, какой хорошенький!

— Мила, я должен тебе кое-что сказать, – мрачно проговорил он.

— Руслан, ты меня пугаешь, — призналась я, в груди начало зарождаться неприятное, липкое чувство тревоги. — Что случилось? Говори уже.

— Мила, это мой сын Артём.

12.

Елизавета Борисовна

Я смотрела, как Зоя целует своего сына, и чувствовала, как внутри меня разрывается что-то важное. То, что держало меня последние четыре месяца. Злость. Обида. Жажда мести.

Она спросила про мальчика или девочку. Про то, кого хочет мой муж. А у меня нет мужа. И никогда не было. Был Олег, он же Марат, который врал, а потом исчез, а теперь есть просто трус, спрятавшийся за спиной этой ничего не подозревающей женщины.

— Я не знаю, кого он хочет, – ответила я, и голос мой прозвучал глухо. – Потому что он сбежал, когда узнал, что я беременна.

– Нет, – ахнула Зоя и посмотрела на меня, – не может быть. Вот скотина! Таких мужиков, я считаю, надо сразу кастрировать. Чик, – она показала пальцами ножницы и щелкнула ими, – и готово. Чтобы потом не повадно было.

– Лиза, что ты говоришь такое? – ее мать поджала губы и покачала головой. Было понятно, что Алла не довольна поведением дочери.

– А что не так? – Зоя пожала плечами и посмотрела на моего отца. – Таким радикальным способом мы бы точно навели порядок в семьях, где есть матери-одиночки.

– А что если, у этого мужчины уже есть семья? – тихо спросила я и посмотрела на Зою. – Он счастливо женат, имеет детей и возможно планирует еще завести. А мы его кастрируем.

– Нет, – отрицательно покачала головой моя единокровная сестра, – такого не может быть. Счастливые мужья не изменяют.

Наивная простота, – подумала я и решила больше не развивать эту тему.

— Лиза, тебе нехорошо? – Зоя подалась вперед, и в ее глазах мелькнуло искреннее беспокойство. – Ты так побледнела.

— Все в порядке, – мой голос прозвучал хрипло, но я заставила себя улыбнуться и погладить живот. – Просто… малыш сильно толкается.

Зоя расслабилась и снова заулыбалась, принимаясь укачивать проснувшегося Илью. А я смотрела на нее и не могла отвести взгляд. Красивая, счастливая, молодая. И она была замужем за мужчиной, который сделал мне ребенка.

Отец заговорил с Зоей про Олега. Я слышала его голос как сквозь вату. Спросил, давно ли тот уехал, попросил показать фото. Я затаила дыхание, замерла. Потому что вдруг стало невероятно страшно. А вдруг это правда он?

Зоя протянула телефон отцу, и я увидела… Олега.

Он был там, на экране. С улыбкой, которой он улыбался мне в кафе, когда говорил, что я особенная. С той же легкой небритостью и дурацкой ямочкой на подбородке. Я любила его и от этого сейчас было очень больно.

Меня замутило так, что пришлось закусить губу до крови. Я смотрела на Зою, на свою сестру, и понимала: ее обманул тот же человек, что и меня. Она держала на руках его сына. Его законного сына.

— Хороший, – сказал отец, возвращая телефон. – Надежный, сразу видно.

— Да, – Зоя зарделась. – Он у меня замечательный. И отец прекрасный.

Я слушала это и чувствовала, как внутри закипает что-то страшное.

«Она не знает, – стучало в висках. – Она правда не знает. Она сидит здесь, счастливая, гордая, и не знает, что ее муж последняя мразь».

Я вспомнила, как утром говорила отцу, что хочу вцепиться ему в рожу.

Что хочу поцарапать его красивую физиономию. Но сейчас, глядя на Зою, я поняла: это будет удар по ней. По женщине, которая ни в чем не виновата. Которая, как и я, поверила лжи этого мудака.

— Лиза, а ты как себя чувствуешь? – спросила вдруг Алла. – Ты какая-то бледная, даже немного зеленоватая. Может, тебе прилечь?

— Нет, спасибо, – я выдавила улыбку. – Я на минутку выйду, подышать воздухом. У вас тут так красиво в саду.

Я встала, и папа поднялся за мной.

— Я сама, – сказала я тихо, сжав его плечо. – Пожалуйста, пап. Я сама.

Он понял. Кивнул.

Я вышла на террасу. Воздух здесь пах так же, как в нашем саду, яблоками и мокрой травой. Странно, но это помогло. Я прислонилась к перилам и закрыла глаза. В голове билась одна мысль:

«Что теперь делать? Сказать ей? Прямо сейчас? Или промолчать и дать ей возможность жить в счастливом неведении?».

— Лиза!

Я вздрогнула и обернулась. На пороге стояла Зоя. Она вышла ко мне, оставив Илью с бабушкой Аллой. Подошла ближе, вглядываясь в мое лицо.

— Ты правда в порядке? – спросила она тихо. – На тебе лица нет. Тебе плохо?

Я смотрела на нее. На глаза, похожие на мои, но в другом разрезе. Улыбка, как у меня, но с чуть припухшими губами. Моя сестра. Моя родная кровь. И жена того, кто разбил мне сердце.

— Зоя, – сказала я, и голос мой дрогнул. – А ты… ты любишь своего мужа?

Она удивилась, но ответила честно:

— Очень. А что?

— А если бы он… – я запнулась. – Если бы он сделал что-то ужасное? Ты бы хотела знать?

Зоя побледнела.

— О чем ты? Ты знаешь Олега? – в ее голосе появились стальные нотки, которые я так хорошо знала по себе и отцу. – Лиза, говори прямо.

Я смотрела на нее и понимала: промолчать сейчас, значит стать такой же, как он. Трусом. Но сказать – значит разрушить ее счастливый мир. Прямо здесь, прямо сейчас.

Из дома донесся плач Ильи. Зоя дернулась, но не ушла. Смотрела на меня в упор, ожидая ответа.

Я сделала шаг к ней. Ближе. Еще ближе.

— На той фотографии правда был Олег? – спросила я шепотом.

— Да.

– Олег Маратович, – медленно произнесла она, – а что?

Маратович? Значит, не просто так он называл себя Маратом. Имя отца.

— А в университет… он ездит? По делам? В комиссию какую-нибудь?

Зоя смотрела на меня, и в ее глазах разгорался ужас. Она уже начинала понимать. Я видела это по тому, как расширились ее зрачки, как задрожали губы.

— Он… он попечитель, – выдавила она. – В медицинском университете. А откуда ты…

— Он представился мне Маратом, – перебила я. Голос мой звучал ровно, хотя внутри все дрожало. – Когда делал мне ребенка. А потом исчез. Четыре месяца назад. Когда узнал, что я беременна.

Зоя отшатнулась, будто я ее ударила. Лицо ее побледнело, а губы задрожали.

Сейчас ей было плохо и больно, также как и мне. Но мне почему-то не было от этого легче.

— Что? – прошептала она. – Что ты сказала?

— Твой муж, – я смотрела ей прямо в глаза. – Отец твоего ребенка. Он четыре месяца встречался со мной. Говорил, что любит. Обещал, что мы всегда будем вместе. А когда я сказала про беременность, он исчез. Просто испарился. Пшик и нет его.

— Нет, – Зоя замотала головой. – Нет, это неправда. Олег не такой. Он хороший, он…

— Он назвался Маратом. Сказал, что у него свое дело, что он меценат. Врал с первого слова. А вчера я видела его в парке. С тобой и с Ильей. Вы гуляли, он тебя целовал, катал ребенка. А я стояла за деревом и смотрела.

Зоя побелела так, что мне стало страшно. Она схватилась за перила, чтобы не упасть.

— Ты врешь, – выдохнула она. – Ты не можешь знать. Ты его не видела. Это ошибка.

— Я могу доказать, – я достала телефон, нашла фото. Ту самую переписку, где он клялся мне в любви. Ту самую фотографию, где мы вместе в кафе. Протянула ей.

Зоя взяла телефон дрожащими руками. Смотрела на экран. И я видела, как рушится ее мир. Как сходит краска с лица. Как дергается щека.

— Это… это он, – прошептала она. – Это Олег. Но… но он не мог. Он же… у нас семья, ребенок… он не мог…

— Мог, – сказала я жестко. – Мог и сделал. А теперь прячется. Уехал по срочным делам, да? Как раз когда мы должны были приехать? Думаешь, случайность?

Зоя подняла на меня глаза. В них были слезы и боль. А еще неверие.

— Зачем ты мне это говоришь? – прошептала она, стирая слезы с лица. – Зачем?

— Потому что я устала молчать, – ответила я. – Потому что ты моя сестра. Потому что ты имеешь право знать, с кем живешь. И потому что я не хочу быть такой, как он. Трусом, который прячется за нашими спинами.

Зоя молчала. Смотрела на меня, на фото, снова на меня. А потом вдруг выдохнула:

— Илья… он… его надо покормить. Я должна…

Она развернулась и почти побежала в дом. Я осталась одна на террасе, глядя ей вслед.

Я сделала это.

И теперь ничего не будет как прежде. Ни у нее. Ни у меня. Ни у нас.

Хорошие мои, еще одна новиночка нашего Литмоба!

Развод. Тайна с глазами мужа

https://litnet.com/shrt/e0UF

— А что я по-твоему должен был сделать? Бросить своего ребенка на произвол судьбы?

— У тебя в принципе не должно было быть тайного ребенка, Матвей! — голос срывается. Вся моя выработанная годами уверенность трещит по швам.

— Слушай, Вер, давай без истерик. Он уже есть. Ну ошибся. Ну бывает. Я же мужик, в конце концов. Давай сделаем вид, что ничего не было. Между нами ничего не изменится.

Почти двадцать лет барака, и я узнаю, что восемь из них муж врал мне каждое утро. Восемь лет безжалостной лжи. Восемь лет его внебрачному сыну, о котором я ничего не знала.

Муж говорит, что для нас ничего не изменится.

Но он сильно ошибается. Всё очень сильно изменится и скоро он это поймет.

13.

Варвара Орфеева

Я не могла сидеть в доме. Стены давили, воздух казался спертым, хотя окна были открыты настежь. Я вышла в сад, взяла секатор и принялась обрезать кусты роз, которые давно этого требовали. Механические движения успокаивали. Щелк – ветка. Щелк – еще одна. Розы были колючими, шипы впивались в ладони, но я не обращала на это внимания. Боль отвлекала от тяжелых мыслей.

Где сейчас муж и Лиза? Что делают? Увидела ли дочь этого Олега? Или он снова сбежал, как трусливый пес? Телефон молчал, и это сводило с ума.

Я обрезала уже третью ветку, когда услышала шаги за спиной.

– Варвара Сергеевна!

Я обернулась. У калитки стоял сосед и друг Лизы – Влад Антипин. В руках он держал добротный и тяжелый пакет.

– Влад? – я выпрямилась, стряхивая с рук мелкие листья. – Ты чего?

– Это вам, – он протянул пакет. – Творог домашний, мама передала. И фрукты. Сказала, Лизе сейчас витамины нужны.

Я взяла пакет, заглянула внутрь. Апельсины, яблоки, бананы, творог в аккуратной упаковке. Полина всегда была заботливой подругой.

– Спасибо, дорогой, – улыбнувшись, сказала я. – Передай матери спасибо.

– Передам, – Влад помялся на месте. – Варвара Сергеевна, можно я… можно я вас спрошу кое о чем?

Я посмотрела на него внимательнее. Парень был бледен, под глазами залегли тени, будто не спал всю ночь. Полина сказала, что он только что из командировки вернулся, хотя мне казалось, дело тут было совершенно в другом. А точнее – в другой.

– Спрашивай, – я кивнула на скамейку под яблоней. – Присядем.

Мы сели. Влад смотрел на свои руки, сжимал и разжимал пальцы. Молодой, красивый, успешный врач. И такой растерянный сейчас.

– Кто отец ребенка Лизы? – спросил он вдруг, глядя мне прямо в глаза.

Я не удивилась. Наверняка, все утро думал об этом, а спросить не решался.

– Мы еще точно не знаем, – ответила я. – Возможно, это муж Зои, внебрачной дочери моего мужа. Эммм… если честно… это все очень запутано.

– Значит, он женат и бросил ее, когда узнал о беременности? – голос Влада был ровным, но я чувствовала, какая сталь скрывается за этим спокойствием.

– Сбежал, как последний трус, – я не стала смягчать. – Не сказал ни слова. Просто исчез. А вчера Лиза увидела его в парке. С женой и ребенком.

Влад поднял на меня глаза. В них была боль… и сталь. Настоящая, мужская.

– Я люблю ее, – сказал он просто, без лишних эмоций. – С детства люблю. Помните, мы еще в школе… – он запнулся, усмехнулся. – Мы же даже целовались с ней. В двенадцать лет. За сараем. Клялись, что поженимся. Детская наивная влюбленность.

Я вспомнила.

Как они, два светловолосых подростка, сидели на заборе и болтали ногами. Как Лиза прибежала домой и сказала: «Мама, я выхожу замуж за Влада!» А он стоял рядом, серьезный, как настоящий жених. И сердце мое тогда сжалось от умиления.

– Помню, – кивнула я. – Вы были неразлучны.

– А потом… – Влад горько усмехнулся. – Потом я уехал учиться в медицинский, а она в старших классах закрутилась с компанией. Мы отдалились. Она меня как будто перестала заме-

чать. А я… я всегда смотрел только на нее. Всегда. Даже когда рядом были другие девушки. Даже когда она на меня не смотрела.

Он замолчал, глядя на свои руки. Я ждала.

– Я хочу заботиться о ней, – сказал он твердо. – О ребенке. Не важно, чей он. Лизин – значит, и мой тоже. Я готов. Я хочу, чтобы она знала: есть тот, кто ее никогда не бросит.

Я смотрела на него и чувствовала, как что-то теплое разливается в груди. Хороший парень. Надежный. Такой, о котором можно только мечтать для дочери.

– Ты ей говорил? – спросила я.

– Нет, – он покачал головой. – Она никогда меня не слушала. Но теперь… теперь я не отступлю. Я буду рядом сколько нужно. И сколько она позволит.

– Влад, – я взяла его за руку. – Ты хороший. Лучший, кого я знаю. Но Лиза сейчас… она сломана. Она не верит никому. Ей нужно время.

– Я подожду, – он сжал мою ладонь в ответ. – Я умею ждать.

Я хотела что-то сказать, но в этот момент в кармане завибрировал телефон. Я вздрогнула, достала его. На экране высветилось: «Лиза».

– Прости, – сказала я Владу. – Это дочка.

Я приняла звонок. Голос дочери был глухим, напряженным.

– Мам, – сказала Лиза. – Я все рассказала Зое. Олега тут нет, но это он. Отец моего ребенка – это ее муж. Тот самый человек, который гулял с ними в парке.

Я замерла. Сердце ухнуло вниз, хотя я знала этот ответ еще до звонка.

– Он был там? – спросила я. – Ты его видела?

– На фото только. Зоя показала. Это он, мам. Я не ошиблась. Я сказала ей… я все сказала.

– Как она?

– Плохо, – голос Лизы дрогнул. – Она убежала в дом. Не знаю, что теперь будет.

– А ты? – я сжала телефон так, что побелели пальцы. – Ты как, дочка?

– Не знаю, – прошептала она. – Я сделала это, мам. Сказала, а легче не стало. Совсем.

– Я приеду, – сказала я, уже вставая. – Сейчас же. Я…

– Не надо, – перебила Лиза. – Папа со мной. Я скоро буду. Мам, я… я домой хочу.

– Жду, – я выдохнула. – Я тебя жду, Лизонька. Держись.

Я сбросила звонок и посмотрела на Влада. Он сидел, не двигаясь, и смотрел на меня. Я поняла, что он слышал каждое слово.

– Это он, – сказала я. – Отец ребенка Лизы – муж ее сестры. Единокровной сестры. Борис все это время скрывал, что у него есть другая дочь. И сегодня мы узнали, что ее муж – тот самый человек, который сделал Лизе ребенка и бросил.

Влад побелел. Сжал кулаки так, что побелели костяшки.

– Где они? – спросил он, и голос его был ледяным. – Я хочу забрать ее. Встретить их.

– Я не знаю, – я развела руками. – Борис не сказал мне адрес. Он вообще ничего не говорил про этих Костровых. Я даже не знаю, где они живут.

Влад посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло разочарование.

– А Лиза? Она не знает?

– Нет, откуда. Отец первый раз ее туда повез.

Повисла пауза. Влад сжал челюсти, я видела, как ходят желваки. Он был готов рвать и метать, но не знал, куда ехать.

– Значит, будем ждать здесь, – сказал он наконец, и в голосе его прозвучала сталь. – Я не уйду, пока она не вернется. Пока не увижу, что с ней все в порядке.

– Влад, – осторожно начала я. – Может, тебе лучше…

– Нет, – перебил он твердо. – Варвара Сергеевна, я вас очень уважаю, но я не уйду. Я буду сидеть здесь, у калитки, и ждать. Хоть до ночи. Хоть до утра. Я должен ее увидеть.

Я смотрела на него и понимала: спорить бесполезно. В глазах его горел тот самый огонь, который я видела у Бориса, когда он был молод и готов был свернуть горы ради меня. Только Борис со временем потух. А этот горел ярко.

– Хорошо, – я кивнула. – Иди в дом, я чай поставлю. Будем ждать вместе.

Он хотел отказаться, но я взяла его за руку и потянула к крыльцу.

– Не спорь. Лизе не нужен будет мужчина, который просидит всю ночь под калиткой и простудится. Ей нужен здоровый и сильный, который сможет защитить. Идем.

Влад нехотя подчинился. Мы прошли на кухню, я поставила чайник. Влад сел к окну, откуда была видна дорога. Молчал, смотрел вдаль.

Я налила чай, поставила перед ним.

– Она сильная, – сказала я, садясь напротив. – Лиза справится.

– Я знаю, – ответил он, не отрывая взгляда от окна. – Но ей не обязательно справляться одной.

Я улыбнулась. Хороший парень. Правильный. И если он сейчас сидит здесь и ждет, значит, не отступит.

– Влад, – спросила я. – Ты правда готов принять чужого ребенка?

Он повернулся ко мне. В глазах его не было сомнений.

– Он не будет чужим, – сказал он твердо. – Если Лиза позволит мне быть рядом – он станет и моим тоже. С первого дня.

Хорошие мои, еще одна новиночка нашего Литмоба!
Развод. Горькая тайна мужа
https://litnet.com/shrt/Og-a

Тринадцать лет я была за ним как за каменной стеной. Костя – мой идеальный муж, стальной лидер и человек без тайн. Пока однажды он не привез меня к обветшалой халупе на окраине города.

– У меня есть сын, Света. Ему двенадцать. И сегодня мы забираем его к себе.

Мир рухнул в одночасье. Но страшнее предательства мужа оказалась встреча с Сашей – забитым, озлобленным мальчиком, которого бросили в аду. Мой муж непоколебим: он защищает свою кровь и не просит моего согласия.

И теперь я стою перед невозможным выбором: возненавидеть его за годы лжи или заглушить собственную обиду, чтобы спасти душу ребенка, который не виноват в грехах взрослых.

Смогу ли я принять чужую боль в свой дом, когда моё собственное сердце разбито вдребезги?

14.

Варвара Орфеева

Мы сидели на кухне, пили чай и смотрели на дорогу. Влад молчал, я тоже не находила слов. Кажется, время тянулось бесконечно.

Наконец вдалеке показались фары. Машина Бориса свернула с трассы, медленно проехала по поселковой улице и остановилась у нашего забора.

Я вскочила. Влад тоже поднялся, напряженный, готовый сорваться с места.

Из машины первым вышел Борис. Лицо у него было серое, уставшее, но спина прямая, как всегда. Он открыл заднюю дверь, помог выйти Лизе.

Моя девочка стояла бледная, с красными глазами, опухшая от слез. Она сжимала в руках телефон и смотрела под ноги, не поднимая головы.

– Лиза! – я бросилась к ней, но она только покачала головой и отстранилась.

– Не надо, мам. Я… я хочу в свою комнату. Пожалуйста.

Она прошла мимо меня быстрым шагом, даже не взглянув на Влада, который застыл на крыльце. Я видела, как дернулся он, как сделал шаг ей навстречу.

– Лиза! – окликнул он.

Она остановилась на секунду, подняла на него заплаканные глаза, но ничего не сказала. Только мотнула головой и скрылась в доме.

Влад рванул за ней.

– Влад, подожди! – крикнула я, но он не слушал. Дверь за ним захлопнулась.

Я стояла во дворе, глядя на закрытую дверь, и чувствовала, как внутри все закипает. Повернулась к Борису. Он стоял у машины, опершись на крыло, и смотрел на меня тяжелым взглядом.

– Что там случилось? – спросила я. – Что с Лизой?

– Она рассказала Зое, – ответил Борис глухо. – Все рассказала. Про Олега, про ребенка, про то, как он ее бросил.

– И что Зоя?

– Расплакалась, убежала к себе в комнату, заперлась. Алла за ней побежала.

– А Олег?

– Олега не было. Уехал с утра, как мы и сказали. Я думаю, он что-то заподозрил. Возможно, кто-то его предупредил. Не знаю точно, но интуиция подсказывает мне, что он знал о нашем приезде. Он специально сбежал, как трус.

Я сжала кулаки. Ненависть к этому человеку захлестнула меня с новой силой.

– И как это произошло? Лиза сказала, а потом что?

Борис замолчал. Провел рукой по лицу, и я вдруг заметила, как он постарел за этот день. Глубокая усталость залегла в морщинах.

– А потом… – он запнулся. – Потом Алла вышла от Зои. И накинулась на Лизу.

– Что? – у меня перехватило дыхание. – Что значит «накинулась»?

– Она назвала ее… – Борис сжал челюсти так, что заходили желваки. – Назвала ее маленькой потаскушкой. Сказала, что Лиза специально охотилась за Олегом, что хотела разрушить семью, что таких, как она, надо…

– Что? – закричала я. – Что она сказала?!

– Не важно, – отрезал Борис. – Я не дал ей договорить.

– Ты не дал ей договорить?! – я смотрела на него, и внутри меня разгорался пожар. – А что ты сделал? Что ты сделал, Боря, когда эта твоя… эта женщина оскорбляла нашу дочь?

– Я сказал, что она не имеет права, – Борис говорил ровно, но я чувствовала, как ему трудно. – Я сказал, что Лиза не знала, что Олег женат. Что она сама жертва. А если Алла не может это понять, то мы уходим.

– И ты просто ушел? – я не узнавала свой голос. Он звучал чужим, ледяным. – А эта стерва так и осталась при своем мнении, что наша дочь потаскушка?

– А что я должен был сделать? – Борис повысил голос. – Вцепиться ей в волосы? Устроить скандал при Зое, при ребенке? Лиза плакала, она хотела домой. Я увез ее. Я сделал то, что было нужно в тот момент.

– Нужно было не везти ее туда вообще! – закричала я. – Ты привез ее в дом, где живет этот подлец, где его жена, его ребенок! Ты заставил ее смотреть на все это, ты заставил ее говорить с Зоей, ты…

– Я не заставлял! – рявкнул Борис. – Она сама захотела! Сама решила! Она сказала, что хочет посмотреть ему в глаза! Ты забыла? Ты осталась здесь, со своей гордостью, а она поехала. Потому что она сильнее нас с тобой, Варя. Потому что она не боится смотреть правде в глаза.

Я замолчала.

Он был прав.

Лиза сама захотела ехать. Сама решила сказать Зое правду. А я осталась здесь, в безопасности, пока моя девочка поехала в этот ад.

– Как она сейчас? – спросила я тихо.

– Плохо, – Борис опустил голову. – Всю дорогу молчала. Плакала. Я пытался говорить, а она… она сказала, что ненавидит себя. Что лучше бы она промолчала. Что Зоя теперь ненавидит ее. Все в том доме, ее ненавидят.

– И Зоя?

– Не знаю, – он покачал головой. – Она убежала и не видела, как Алла набросилась на Лизу. Надеюсь, не узнает. Хотя… узнает, конечно. Алла ей расскажет.

Я смотрела на мужа и чувствовала, как в груди смешиваются гнев, боль и ярость на бывшую женщину моего мужа.

– Ты должен был защитить ее, – сказала я. – Ты должен был не подпускать эту женщину к нашей дочери.

– Я пытался, – Борис поднял на меня глаза. – Я орал на Аллу, Варя. Я сказал ей все, что думаю. Я сказал, что она сама вырастила дочь, которая вышла замуж за козла. Я сказал, что если она еще раз посмеет открыть рот в сторону Лизы, я… – он запнулся. – Я много чего там наговорил.

– И что она?

– Сначала орала в ответ. Потом замолчала. Я думал, она одумается, извинится перед Лизой. Но она… она просто ушла к Зое. А мы уехали.

Я молчала. Представляла себе эту картину: моя дочь, беременная, стоит в чужом доме, а какая-то женщина называет ее потаскушкой. И рядом нет никого, кто бы ее защитил.

– Ты подвел ее, – сказала я. – Ты подвел нашу дочь, Боря.

– Я знаю, – он посмотрел мне прямо в глаза. – Я знаю, Варь. И я не прощу себе этого. Никогда.

В доме что-то громко стукнуло. Мы оба вздрогнули.

– Лиза! – я рванула к крыльцу, но Борис схватил меня за руку.

– Подожди. Влад там. Пусть побудет с ней.

Я кивнула и посмотрела на окна второго этажа.

– Влад хороший, он любит ее, – сказала я. – С детства.

– Я знаю, – Борис усмехнулся, но усмешка вышла горькой. – В отличие от меня, он не упустит свой шанс. Я уверен в этом.

Я посмотрела на окна Лизы. Свет горел, шторы были задернуты. Я слышала приглушенные голоса – Влад что-то говорил, Лиза молчала.

– Что теперь будет? – спросила я, не оборачиваясь.

– Не знаю, – ответил Борис. – Но я исправлю. Все исправлю.

Я повернулась к нему и посмотрела в глаза человеку, с которым прожила двадцать лет жизни. На мужчину, которого любила всем сердцем и который предал меня своим молчанием.

– Не знаю, сможешь ли ты это исправить, – сказала я. – Я иду к Лизе. А ты… ты оставайся здесь. Ей не нужно тебя видеть.

Я развернулась и пошла к дому. У двери обернулась.

– Боря, – сказала я. – Ты молчал полгода. Привел дочь в дом, где ее оскорбили. Ты не защитил ее. Я не знаю, смогу ли я это простить. Но сейчас… сейчас я иду к ней. Потому что она нуждается во мне. А ты… ты подумай, сможешь ли ты вообще быть настоящим отцом. Или ты уже потерял это право?

Хорошие мои, позвольте пригласить еще в одну книгу нашего Литмоба!

Развод. Лечение не предусмотрено

https://litnet.com/shrt/TApV

- Лилия Андреевна, привезли мальчика. Семь лет, травма после падения с тюбинга. Вы срочно нужны!

Надеваю перчатки на ходу, но замираю, когда вижу пациента. Потому что рядом с каталкой стоит мой муж.

Что Саша тут делает? Сейчас он должен быть на конференции в другом городе.

- Лиля, это мой сын. - Заявляет муж. - У него врождённая аномалия сосудов. Ты единственный хирург, который может его прооперировать. Так что ты сейчас войдёшь в операционную и спасёшь его.

Говорят, самое страшное, узнать правду неожиданно. Я узнала её посреди ночного дежурства, когда муж попросил меня спасти его сына. Того, о котором я не знала. Которого он скрывал семь лет.

Я врач. Спасать - моя работа. Но есть вещи, которые не спасти хирургическим вмешательством. Например, семилетний брак, доверие, нас. Потому что измена не лечится.

15.

Варвара Орфеева

Я быстрым шагом вошла в дом. В коридоре было тихо, только из комнаты Лизы доносились приглушенные голоса. Я дошла до кухни и накапала в стакан немного пустырника.

Поднялась на второй этаж, остановилась у двери и прислушалась.

– Ты не виновата, – говорил Влад. – Слышишь? Ты ни в чем не виновата. Он врал, он обманул, он бросил. Это его выбор, его ошибка. Ты просто поверила. Как и твоя сестра. Как и любая другая на твоем месте.

– Я разрушила ее семью, – всхлипнула Лиза. – Она теперь будет ненавидеть меня.

– Нет, – твердо сказал Влад. – Если она умная, она поймет. Поймет, что вы обе жертвы одного подлеца. А если не поймет – это ее проблема. Ты сделала то, что должна была. Ты сказала правду и это правильно.

– Мне больно, Влад. Очень больно.

– Я знаю, – его голос стал мягче. – Я рядом. Я всегда буду рядом, Лиз. Всегда.

Я тихонько постучала и открыла дверь.

Лиза сидела на кровати, обхватив руками подушку. Она медленно покачивалась, как в трансе, и старалась успокоиться.

Влад сидел рядом на стуле, не прикасаясь, но близко. Увидев меня, Лиза снова заплакала.

– Мам…

Я подошла, села рядом, обняла ее. Влад встал, собираясь уйти, но я покачала головой:

– Останься.

Он кивнул и снова сел.

– Расскажи мне все, – сказала я, гладя дочь по волосам и протягивая ей стакан с лекарством. Она сделала пару глотков и вернула мне стакан. – Все, что случилось. С самого начала.

Лиза всхлипнула, вытерла слезы и начала говорить. Голос ее дрожал, но она старалась быть спокойной. Рассказала, как Зоя спросила про замужество, как она не смогла смолчать, как повела ее на террасу и все сказала. Рассказала, как Зоя побелела, как смотрела на наше с Олегом фото, как заплакала и убежала в дом. Рассказала, как потом вышла Алла.

– Она назвала меня… – Лиза снова заплакала. – Она сказала, что я потаскушка. Что я специально охотилась за Олегом. Что я хотела разрушить их семью. Мам, я… я не хотела. Я не знала. Я не знала, что он женат, я не знала, что у него есть ребенок, я не знала…

– Я знаю, Лизонька, – я прижала ее к себе крепче. – Я знаю, малыш. Ты не виновата. Запомни, ты ни в чем не виновата.

– А она… она говорила и говорила. А папа орал на нее. А потом мы уехали. И я… я думала, что станет легче, когда я скажу правду. Но стало только хуже. Теперь вся их семья ненавидит меня. И Зоя, наверное, тоже. И Олег… он сбежал. Как всегда. Трус!!! Ненавижу!!!

Она ударила кулаками по подушке, а потом ещё раз и ещё! Она словно пыталась вместить всю свою боль, ударяя подушку. Кажется, ей стало полегче и она положила голову мне на колени.

Я молчала, гладя ее по волосам, и чувствовала, как внутри меня разгорается холодная ярость. Не на Бориса. Не на Олега.

А на бывшую женщину моего мужа, которая посмела назвать мою дочь потаскушкой. Которая посмела оскорбить гостью в своем доме. Которая двадцать лет назад родила от моего мужа, а теперь смеет судить мою девочку.

– Лиза, – сказала я, отстраняясь и глядя ей в глаза. – Ты сейчас ляжешь спать. Влад побудет с тобой, если ты хочешь. А мне нужно уехать ненадолго.

– Куда? – испуганно спросила Лиза.

– Неважно, – я поцеловала ее в лоб. – Я скоро вернусь. Обещаю.

Я встала. Влад поднялся следом, глядя на меня с тревогой.

– Варвара Сергеевна, вы куда?

– Не волнуйся, – я посмотрела ему в глаза. – Посиди с ней. Я быстро.

Я вышла из комнаты, спустилась вниз. Борис стоял на кухне, глядя в окно. Услышав мои шаги, резко обернулся. Морщина пролегла вдоль всей линии лба и сделала его ещё старше.

– Как она?

– Плохо, – ответила я. – Дай мне адрес.

– Какой адрес? – нахмурился он.

– Адрес Аллы. Где они живут. Дай мне, Боря.

Он побледнел.

– Варя, зачем тебе?

– Дай адрес, – повторила я, и голос мой не дрогнул. – Не заставляй меня просить дважды.

Борис смотрел на меня несколько секунд и я чувствовала как в его голове крутятся мысли. Он явно не собирался давать мне адрес, понимая, что это чревато. Но потом все же достал телефон, открыл карты, протянул мне.

– Поселок «Лесной», улица Садовая, двадцать три. Варя, ты что задумала?

Я запомнила адрес, вернула телефон.

– То, что нужно было сделать тебе, как отцу, – сказала я. – Но ты не сделал. Потому что испугался. Потому что у тебя с Аллой прошлое. А у меня – нет.

– Варя…

– Не останавливай меня, Боря. Пожалуйста. Просто не останавливай.

Я вышла из дома, села в свою машину. Ключи были на месте – я всегда оставляла запасные в прихожей. Двигатель завелся с пол-оборота.

Я выехала со двора и направилась к трассе. В зеркале заднего вида видела, как Борис стоит у калитки, смотрит мне вслед. Но не звонит и не останавливает. Знает, что бесполезно.

Дорога до коттеджного поселка заняла минут сорок. Я ехала быстро, но спокойно, без лишней спешки. Мне нужно было успокоиться. Собраться с мыслями. Я не знала, что скажу этой женщине. Но знала точно: она ответит за каждое слово, сказанное моей дочери.

Поселок «Лесной» оказался аккуратным, с ровными улочками и ухоженными домами. Я нашла улицу Садовую, дом двадцать три. Двухэтажный кирпичный особняк с зеленой крышей, ухоженный палисадник, кованая калитка.

Я вышла из машины и подошла к калитке. Нажала на звонок и услышала приятное треньканье в доме.

Дверь открылась, и ко мне кто-то пошёл. Я слышала довольно уверенное шарканье по дорожке. Грохот замка и дверь калитки наконец распахнулась.

Передо мной стоял мужчина. Высокий, подтянутый, с сединой в волосах, в дорогом домашнем свитере. Он смотрел на меня, и я видела, как его лицо медленно меняется – от вежливого интереса к полному изумлению.

– Варвара? – выдохнул он.

Я узнала его. Конечно же, я узнала его. Даже спустя двадцать лет, то что было между нами, невозможно забыть.

– Максим! Это ты?

Хорошие мои, я вам принесла рекомендацию книги нашего Литмоба!

Развод. Внебрачная дочь

https://litnet.com/shrt/iyqw

НОВИНКА!❤#

— Ты сдурела, Лен?! Зачем ты привела её сюда?! — голос мужа за дверью злой, едкий. Я таким его редко слышу.

— Полина имеет право здесь быть! Хватит уже держать её в тени! — отвечает женщина, мама девочки, которая внезапно очутилась на дне рождении нашей с Олегом дочери.

Меня словно ледяным панцирем сковывает. Сердце начинает биться где-то в горле.

— Ты не должна была этого делать!

— Боишься, что твоя женушка узнает?

Женушка… Воздуха становится мало.

— Замолчи…

— Узнает о том, что у тебя есть внебрачная дочь?

Слова падают на меня тяжёлыми камнями, прибивая к земле.

Внебрачная дочь… Я стою за дверью и чувствую, как всё внутри рушится безвозвратно.

В этот момент свет в зале гаснет, слышу восторженный визг детей.

Гремит музыка, включается световое шоу. Огни мигают, вспыхивают разноцветными лучами. Дети кричат от восторга.

— Ваааау! — голос дочки полон счастья.

Я выглядываю в зал. Алина прыгает, хлопает в ладоши, её глаза сияют.

Рядом с ней стоит Полина. Её подруга, сестра… и дочь моего мужа.

Восемь лет… Восемь лет я жила, не зная ничего. Пока я рожала нашу младшую дочь, растила, кормила, не спала ночами, строила планы на жизнь… где-то росла ещё одна девочка… Его дочь. Внебрачная дочь моего мужа.

16.

Тот самый Максим, который двадцать лет назад бегал за мной. Который носил цветы, приглашал в кино, писал стихи. Который предлагал встречаться, а я отказала.

Потому что любила Бориса. Потому что выбрала тогда Бориса.

А он потом исчез.

Я слышала, что он уехал в другой город, женился на какой-то девушке. И вот он здесь. Муж Аллы. Отчим Зои. Человек, который растил дочь моего мужа.

– Здравствуй, Максим, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри все дрожало. – А я к твоей жене. Она дома?

Он смотрел на меня, и в его глазах было столько всего – удивление, растерянность, какая-то давняя, припорошенная временем боль.

– Варя… – повторил он, и в этом коротком слове прозвучало столько, что у меня сжалось сердце. – Ты… ты приехала. Сколько мы не виделись? Двадцать лет.

– Двадцать, – мягко улыбнулась я и в душе содрогнулась. Жизнь, оказывается, не просто проходит, она летит локомотивом. Стало немного грустно, от этого осознания. – Я приехала не к тебе, Максим, – жестко среагировала я. – Я приехала поговорить с твоей женой. Она здесь?

Он помолчал, потом кивнул и отошел в сторону, пропуская меня.

– Проходи. Алла наверху, с Зоей.

Я шагнула через порог. В холле было темно, пахло дорогими духами и почему-то ванилью. Я прошла в гостиную, видимо здесь сегодня сидела моя дочь и смотрела на чужую семью.

– Я позову ее, – сказал Максим. Он не отводил от меня взгляда, и это было невыносимо. – Варя… ты изменилась.

– Прошло слишком много лет, – ответила я, не глядя на него.

– А я помню тебя еще молоденькой девчонкой. Всегда помнил.

Я повернулась к нему. В его глазах была та самая тоска, которую я видела когда-то давно, когда он стоял у моего подъезда с букетом ромашек, а я спешила на свидание с Борисом.

– Максим, – сказала я. – Я здесь не для этого. Позови свою жену. Нам нужно серьезно поговорить.

Он кивнул, развернулся и вышел. Я осталась одна в гостиной, где сегодня была моя дочь. Смотрела на диван, на кресло, на манеж в углу. Представляла, как Лиза сидела здесь, гладила свой живот, смотрела на ребенка. На ребенка человека, который сделал и ей ребенка и сбежал.

Я сжала кулаки. Ненависть захлестнула меня с новой силой.

На лестнице послышались шаги. Я подняла голову.

Алла спускалась медленно, держась за перила. Она была бледна, но не плакала. Глаза сухие, губы сжаты в тонкую линию. Увидев меня, остановилась на полпути, окинула взглядом с головы до ног – оценивающе, холодно.

– Варвара, – сказала она, и в голосе ее прозвучало не удивление, а насмешка. – Какими судьбами? Неужели Борис разрешил тебе выходить из дома одной? Или ты сбежала, пока он не видит?

– Я приехала поговорить, – сказала я, стараясь не поддаваться на провокацию. – О том, как ты посмела назвать мою дочь потаскушкой.

– А что, неправда? – Алла спустилась на последнюю ступеньку, встала напротив меня, скрестив руки на груди. – Твоя драгоценная доченька пришла в мой дом, в мой дом, понимаешь? И разрушила семью моей дочери. Она спала с мужем Зои, забеременела от него и теперь приперлась сюда, чтобы устроить представление. Как это еще назвать?

– Это можно назвать правдой, – ответила я, чувствуя, как внутри закипает гнев. – Которую ты, кажется, не хочешь слышать.

– Правдой? – Алла рассмеялась. – Правда в том, что твоя дочь – разлучница. Она знала, что он женат, она…

– Она не знала! – закричала я, делая шаг вперед. – Моя дочь не знала, что он женат! Он назвался вымышленным именем, он скрыл от нее, что у него есть семья! Она была влюблена, она поверила, а он использовал ее и бросил, когда узнал о беременности! Она жертва, такая же, как твоя Зоя! А ты посмела назвать ее потаскушкой!

Алла не отшатнулась. Стояла на месте, смотрела на меня с холодным презрением.

– Жертва? – переспросила она. – Твоя дочь – жертва? Она раздвинула ноги перед чужим мужчиной, забеременела, а теперь изображает из себя невинную овечку. Не смеши меня, Варвара. Твоя Лиза такая же, как и ты. Всегда выбирала чужих мужиков. Яблоко от яблони недалеко падает.

Я задохнулась от такой наглости.

– Ты… ты… – я не могла подобрать слов.

– Что? – Алла усмехнулась. – Язык проглотила? А нечего приезжать в мой дом и учить меня жизни. Ты кто такая, чтобы меня судить? Ты, которая двадцать лет не знала, что твой муж каждый месяц платил алименты на мою дочь? Ты, которая жила в счастливом неведении, пока Борис бегал ко мне на свидания?

– Не было у него с тобой свиданий! – выкрикнула я. – Он узнал о Зое только полгода назад!

– О, дорогая, – Алла рассмеялась, и смех ее был мерзким. – Неужели ты до сих пор веришь его сказкам? Борис приезжал ко мне все эти годы. Регулярно. Каждый месяц. Он видел, как растет его дочь, он держал ее на руках, когда она была маленькой. Он дарил ей подарки на дни рождения. Он…

– Ты врешь! – закричала я. – Ты просто хочешь сделать мне больно!

– А зачем мне врать? – Алла пожала плечами. – Спроси у своего драгоценного Бореньки. Спроси, сколько раз он был в этом доме, пока ты считала себя счастливой женой. Только не удивляйся, когда он снова соврет. Он умеет это делать, да?

Максим, стоявший на лестнице, кашлянул.

– Алла, – сказал он тихо. – Хватит.

– А что? – Алла повернулась к нему. – Ты тоже хочешь защищать эту… – она кивнула в мою сторону, – эту женщину? Ты же всегда хотел ее, да? Все эти годы мечтал о ней. А она даже не вспомнила о тебе. Выбрала Бориса. И что теперь?

– Алла! – рявкнул Максим, и я впервые увидела в его глазах настоящий гнев. – Замолчи!

– Не буду я молчать! – Алла снова повернулась ко мне. – Слушай меня, Варвара. Твоя дочь – потаскушка. И ты такая же. И ваш Борис – козел, который трахал нас обеих. И если ты думаешь, что я буду жалеть твою сопливую девчонку, которая разбила сердце моей Зое, ты глубоко ошибаешься. Мне плевать на нее. Плевать на тебя. Плевать на ваши слезы.

Я смотрела на нее и чувствовала, как внутри все горит. Я приехала сюда, чтобы защитить свою дочь, а эта женщина… эта женщина просто растоптала меня. И Бориса. И Лизу. И все, что было между нами.

– Ты… – начала я, но голос сорвался.

– Чтоооо? – Алла усмехнулась. – Будешь угрожать? Приедешь еще раз сюда? Устроишь скандал? Давай, попробуй. Посмотрим, что у тебя выйдет.

Она сделала шаг ко мне, и в ее глазах было такое презрение, что я почувствовала себя ничтожеством.

– Знаешь, Варвара, – тихо сказала она. – Я всегда тебя ненавидела. Ещё со времён института. Ты была такой правильной, такой гордой. Все мужчины на тебя смотрели. И Борис, и Максим. А я была… второй. Всегда на втором месте. Но знаешь что? Я родила ему дочь. Я.

Не ты. И я её вырастила. Не ты. А ты даже не знала, что он каждый месяц мне звонит. Что он приезжает. Что он…

– Хватит, – сказал Максим, спускаясь по лестнице. Он взял Аллу за руку, но она вырвалась.

– Не трогай меня! – закричала она. – Ты всегда был слабаком, Максим. Всегда. Ты не смог добиться той, которую хотел, и взял меня. Второй сорт. А теперь сиди и молчи!

Максим побледнел, но ничего не сказал. Просто стоял и смотрел на свою жену с такой болью, что у меня заныло сердце.

– Алла, – произнесла я, стараясь придать голосу уверенность. – Я не знаю, что правда, а что нет. Про Бориса, про встречи, про звонки. Я проверю. Если выяснится, что ты солгала, я вернусь. И тогда ты пожалеешь.

– Угрожаешь? – Алла рассмеялась. – Смотри, не обожгись. Я тебе не сопливая девчонка, которая будет плакать в подушку.

– Я и не угрожаю, – я развернулась и пошла к выходу. У порога обернулась. – Я предупреждаю. Ты тронула мою дочь и назвала ее потаскушкой. Ты растоптала ее. За это я заставлю тебя ответить. Не знаю как, но я это сделаю. Запомни мои слова.

Алла стояла на лестнице, скрестив руки на груди, и смотрела на меня с усмешкой.

– Иди, Варвара, – сказала она. – Иди домой, к своему мужу-лжецу и дочери-потаскушке. И больше не возвращайся. Иначе…

Я захлопнула с размаху дверь, чтобы больше не слышать ее воплей.

Села в машину и выехав со двора, направилась домой. К моей девочке.

В голове крутились слова Аллы. Про Бориса. Про встречи. Про звонки. Про то, что он знал о Зое все эти годы.

«Спроси у своего драгоценного Бореньки», – сказала она.

Я сжала руль так, что побелели пальцы.

Спрошу. Обязательно спрошу. И пусть только попробует соврать.

17.

Варвара Орфеева

Дорога домой заняла минут двадцать. Двадцать минут, которые я прокручивала в голове слова Аллы. Каждое слово. Без единого пропуска.

“Борис приезжал ко мне все эти годы. Регулярно. Каждый месяц.”

“Он видел, как растет его дочь, он держал ее на руках, когда она была маленькой”.

Я сжимала руль так, что костяшки побелели. В голове шумело, в груди клокотало, живот сводило судорогой. Если это правда... если он действительно врал мне все двадцать лет... нет.

– Нет! Не может быть! – Крикнула я в лобовое стекло и ударила по рулю, что он взвыл как раненый зверь. Боль, которая скопилась внутри меня, никуда не делась. Наоборот, стало еще больнее. Психологи-шарлатаны все врут.

Не после того, как он клялся, что узнал о Зое только полгода назад.

Но почему Алла так уверенно это говорила? Зачем ей врать? Чтобы сделать мне больно? Чтобы унизить?

У нее получилось. О да, у нее получилось.

Я въехала в наш поселок, остановилась у своего дома. И посмотрела в окна, там горел свет. Борис наверняка ждал меня на кухне, пил свой вечный чай и прокручивал в голове, как оправдываться.

Заехала внутрь и поставила машину под навес. Выключила двигатель и вышла из машины. Ноги дрожали, но я заставила себя идти ровно. Не сейчас. Только не показывать ему слабость. Сейчас я должна быть сильной ради Лизы и ради себя.

В доме было тихо. Наверху, в комнате Лизы, горел свет, доносились приглушенные голоса – Влад что-то говорил, Лиза иногда всхлипывала. Хорошо, что он с ней. Пусть побудет. Я не смогу сейчас быть той матерью, которая нужна моей девочке. Потому что внутри меня разрывалась ядерная бомба.

Муж сидел на кухне один. Пил чай и смотрел телевизор. Услышав мои шаги, обернулся. В его глазах была темнота и тревога. Я поняла это сразу. Он знал, что я ездила к Алле не просто так.

– Варь, – сказал он, вставая. – Ты чего так долго? Я звонил, ты не брала...

– Я не знаю, где мой телефон, – перебила я, останавливаясь в дверях. – Да и это сейчас не важно.

– О чем ты? Что случилось между тобой и Аллой? – спокойно спросил Борис.

– Твоя бывшая рассказала мне много интересного, – я сделала шаг вперед. – Про то, как ты приезжал к ней все эти годы. Каждый месяц. Как держал Зою на руках, когда она была маленькой. Как дарил подарки на дни рождения. Как вы встречались тайно, пока я ждала тебя дома.

– Это неправда, – голос Бориса дрогнул, но он держался. – Варь, она врет. Она просто хочет...

– Чего она хочет?! – закричала я. – Сделать мне больно? У нее получилось! Она унизила меня, Боря. Она назвала мою дочь потаскушкой, а меня... меня она назвала женщиной, которая двадцать лет жила с лжецом. И знаешь, что самое страшное? Я не знаю, верить ей или нет. Потому что ты уже солгал мне однажды. Полгода молчал о Зое. А теперь выясняется, что, возможно, ты врал мне все двадцать лет.

– Я не врал! – Рявкнул Борис и я замерла. Борис шагнул ко мне, и в его глазах вспыхнула ярость. – Я не был у нее. Ни разу. Да, я звонил, когда узнал о Зое. Да, я встречался с ней несколько раз, чтобы поговорить. Но я не приезжал к ней все эти годы. Клянусь!

– Клянешься? – я рассмеялась, но смех вышел истеричным. – Твои клятвы ничего не значат, Боря! Ты уже предал меня своим молчанием. Своей ложью. А теперь я должна верить, что Алла просто так решила меня унизить?

– Она мстит, – Борис нерешительно провел рукой по лицу. – Она всегда хотела разрушить нашу семью. Всегда завидовала тебе. И сейчас она нашла способ. Она видит, что мы на грани развода, и добивает нас. Не дай ей это сделать, Варя. Пожалуйста.

– Не дать ей? – я смотрела на него, и внутри меня все кипело. – А кто дал ей такой шанс? Ты, Боря, ты. Если бы ты не молчал, если бы сказал мне правду сразу, мы могли бы подготовиться. Мы могли бы придумать, как защитить Лизу. А теперь... – уставшим голосом произнесла я, – теперь моя дочь ненавидит себя, а я не знаю, жила ли я все эти годы с мужчиной, который любил меня или просто притворялся.

– Я люблю тебя, – сказал он тихо. – Всегда любил. Только тебя. Верь мне, любимая.

– Если ты любил меня, почему не сказал правду? Почему позволил этой женщине унижать нашу дочь? Почему не защитил Лизу?

– Я не знаю, – он опустил голову. – Я думал, что смогу все контролировать. Что смогу подготовить вас. А получилось...

– Получилось то, что получилось, – я подошла к нему почти вплотную. – Наша семья разрушена, Боря. И я не знаю, смогу ли я это склеить.

– Варя...

– Я устала, – сказала я, и голос мой вдруг стал тихим и усталым. – Я устала от лжи, от предательства, от твоих тайн. Я устала быть сильной, когда внутри все разрывается. Я устала защищать нашу дочь, пока ты стоишь в стороне и боишься сделать шаг.

– Я не боюсь, – он шагнул ко мне, протянул руки. – Я здесь и я с тобой.

– Ты не с нами, – я отшатнулась. – Ты сам по себе. Ты решаешь за нас, скрываешь от нас, оберегаешь нас от правды, которая все равно выходит наружу. Я больше не могу так жить, Боря. Я больше тебе не верю.

– Что ты хочешь сказать? – он побледнел еще сильнее.

– Я хочу сказать, – я посмотрела ему прямо в глаза, – что тебе нужно уехать.

– Что?

– Уехать, – повторила я твердо. – Прямо сейчас. Собери вещи и уезжай. Лиза не должна тебя видеть в таком состоянии. И я не хочу тебя видеть.

– Варя, ты не можешь...

– Могу, – перебила я. – Я все могу. Ради дочери я переступлю через себя. Ради себя я тоже переступлю. Я не знаю, прощу ли тебя когда-нибудь. Но сейчас... сейчас я не хочу находиться с тобой в одном доме.

Борис смотрел на меня, и я видела, как в его глазах умирает надежда. Он понимал – я не шучу. Я действительно готова выгнать его.

– А если я не уеду? – спросил он тихо.

– Тогда уеду я, – ответила я. – С Лизой… навсегда. Выбирай.

Повисла тишина. Борис стоял, вцепившись в стол, и смотрел на меня. Я смотрела на него и не отводила взгляда.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Я уеду.

Он развернулся и пошел из кухни. У двери остановился и обернулся.

– Варя, – сказал он. – Я люблю тебя. Я всегда любил только тебя. И то, что сказала Алла... это неправда. Я не был у нее все эти годы. Никогда. Я клянусь тебе.

– Клятвы в этом доме больше ничего не значат, – повторила я и опустилась на стул. – Уезжай Борь. Оставь нас и дай нам с Лизой подумать, как жить дальше.

Хорошие мои, еще одна новиночка нашего Литмоба!

Развод. Его тайна сломала нас
https://litnet.com/shrt/QFfB

В годовщину свадьбы на пороге нашего дома появилась бывшая моего мужа с ребёнком.

— Я — Эля, а эта чудесная малышка — Алиса. Кстати, она дочь Юры.

Я люблю своего мужа, вот только я не готова делить его с прошлым и стать матерью чужой девочке, которая смотрит на меня его глазами, ведь я и сама скоро стану мамой.

18.

Борис Орфеев

– Уезжай Борь. Оставь нас и дай нам с Лизой подумать, как жить дальше.

Я вышел из кухни, не понимая, что делать дальш. В голове была пустота. Такая, когда не работает ни одна мысль, ни одно чувство. Только глухая, давящая тишина.

Я поднялся наверх.

В комнате Лизы горел свет, из-за двери доносился приглушенный голос Влада. Хороший парень, правильный. Остался с ней, когда я не смог.

Я прошел в нашу с Варей спальню. Наша кровать, где мы спали последние десять лет, как купили этот дом. Наши фотографии на тумбочке. Наши халаты на дверях. Все наше.

Я открыл шкаф, но ничего не стал брать. В городской квартире были все наши вещи. В загородном доме, мы жили летом. Все остальное время, жили в городе.

Я закрыл шкаф, оглядел спальню в последний раз. На тумбочке стояла наша свадебная фотография. Я взял ее, посмотрел на молодую Варю в белом платье, на себя – счастливого, уверенного, который думал, что вся жизнь впереди. Положил обратно.

Я спустился в холл. Варя сидела на кухне, смотрела в окно и держала обеими руками большую кружку с чаем. Она не обернулась, когда я проходил мимо, не сказала мне ни слова. И от этого стало невероятно грустно, что захотелось завыть.

Я вышел на крыльцо. Ночь была холодной, ветер дул в лицо, но я ничего не чувствовал. Сел в машину, завел двигатель. Выехал со двора, даже не взглянув на дом.

Дорога до города заняла сорок минут. Сорок минут я ехал в полной темноте, не включая музыку, не включая мысли. Просто смотрел на дорогу и давил на газ.

Городская квартира встретила меня тишиной. Здесь все было по-другому – меньше, теснее, но уютнее. Варины цветы на подоконнике. Ее книги на полках. Ее халат на спинке стула.

Я прошел в гостиную, сел на диван. И уставился в одну точку.

Она выгнала меня. Варя, моя Варя, выгнала меня из дома. Сказала, что не хочет меня видеть. Сказала, что не верит мне. Сказала, что уедет с Лизой навсегда, если я не уйду.

Я сидел и смотрел на ее книги, на ее цветы, на ее халат. И чувствовал, как внутри умирала надежда на то, что мы сможем все исправить. Что Варя сможет меня простить. Что мы снова будем вместе… как раньше. Большой и дружной семьей.

Я встал, вышел в подъезд, поднялся на этаж выше. Нажал на звонок. За дверью послышалась ругань, потом шаги. Дверь открыл Миша – мой лучший друг, с которым мы дружили лет двадцать. Лохматый, сонный, в старом свитере.

– Боря? – он протер глаза. – Ты чего это? Уж полночь близится, а Германа все нет, – процитировал Миша Пушкина и почесал репу.

– Пусти, – сказал я, не дожидаясь приглашения, прошел в коридор.

Миша вздохнул, закрыл дверь. Прошел за мной в гостиную, бросил пульт от телевизора.

– Случилось что?

– Варя выгнала, – ответил я, падая на диван.

Миша присвистнул. Включил телевизор, нашел какой-то футбольный матч, сел рядом, вытянул ноги.

– Выпьешь?

– Не хочу.

– Ну как знаешь, – Миша потянулся к пульту, сделал звук тише. – Рассказывай.

Я молчал. Смотрел на экран, где мужики в разноцветных футболках бегали за мячом, и не знал, с чего начать. Как рассказать другу, что у меня есть вторая дочь? Что ее муж сделал ребенка моей Лизе? Что Варя теперь считает меня лжецом?

– Варя узнала про Зою, – сказал я наконец.

Миша повернулся ко мне.

– Про кого?

– Про дочь. Мою дочь от Аллы, с которой я встречался до Вари. Я сам узнал полгода назад. Сказал Варе только сегодня.

Миша молчал несколько секунд. Потом выдохнул:

– Ну, Борис, ты даешь. Полгода молчал?

– Боялся.

– Чего?

– Что она уйдет.

– И что, ушла?

– Выгнала, – я провел рукой по лицу. – Сказала, чтобы уезжал. Сказала, что не верит мне.

– А чего она еще сказала?

Я помолчал. Про Аллу, про то, что она наговорила Варе, я рассказывать не стал. Не сейчас. Точно не Мишане, который любит давать советы, даже когда его не просят.

– Сказала, что я предал ее, – ответил я коротко.

Миша кивнул, сделал вид, что смотрит футбол. Потом выдал:

– Ну, бабы они такие. Сначала кипятятся, потом остывают. Моя тоже меня раз пять выгоняла. Ничего, до сих пор живем, не тужим. Даже секасом по праздникам занимаемся.

– Круто. Я уж забыл, когда у меня последний раз был секс, – почесал затылок и откинулся на спинку дивана, взял с приставном столика бокал с пивом и отхлебнул. – Полгода назад чтоли, не помню. А у тебя как было, – сказал я.

– Да также. Баба есть баба. Подари ей цветы, своди в ресторан, скажи, что любишь. И все дела.

Я посмотрел на него. Миша жил с женой уже двадцать пять лет, и за это время они разводились раз десять. Последний раз он спал в машине три дня, пока теща не помирила их. Его советы конечно были сомнительными. Но Мишка единственный, кто мог меня понять.

– Не поможет, – ответил я и покачал головой. – Варька – кремень.

– А ты попробуй. Может, и поможет.

Я не стал спорить. Смотрел на экран, где мужики бегали за мячом, и думал о своем. О Варьке, которая сейчас, наверное, сидит на кухне и смотрит в окно. О Лизе, которая наверно уже легла спать. Об Алле, которая смеялась мне в лицо, когда я уводил Лизу из ее дома.

– Боря, – Миша толкнул меня в плечо. – Ты хоть скажи, как тебе помочь?

– Никак, – ответил я. – Сам разберусь.

– Ну смотри. Ты это… если что – приходи. Хоть ночью.

Я кивнул. Мы сидели молча, смотрели футбол. Миша иногда комментировал, ругался на судей, но я его не слушал. В голове крутились мысли, одна страшнее другой.

Через час, когда матч подходил к концу, из спальни вышла Света – жена Миши. Закутанная в халат, сонная и злая.

– Миша, – сказала она ледяным тоном. – Ты охренел? Час ночи, а ты телевизор на всю мощность включил.

– Мы футбол смотрим, – виновато ответил Миша.

– Иди ты со своим футболом, – Света перевела взгляд на меня. – Борь, ты чего не спишь? Варя знает, где ты?

– Знает, – соврал я.

– Ну и иди домой, спать. Завтра всем на работу, между прочим.

Я встал. Миша тоже поднялся, хотел что-то сказать, но Света толкнула его в бок.

– Иди, Борь, – сказал он. – Поговорим завтра.

Я вышел в коридор, обулся. У двери обернулся. Света уже ушла в спальню, Миша стоял, потирая ушибленный бок.

– Спасибо, – сказал я.

– Да не за что. Ты это… не кисни. Все наладится.

Я кивнул, вышел в подъезд и спустился на этаж ниже. В квартире царила все та же тишина. Я прошел в ванную, включил душ и стоял под горячими струями, наблюдая, как пар заволакивает зеркало. В голове роились мысли о том, что делать дальше.

После душа я натянул домашние штаны и футболку, а затем направился на кухню. Налил стакан воды и выпил залпом. Вернув стакан на место, я взглянул на телефон.

На экране ничего не было. Пусто. Я никому нахрен не был нужен.

Я взял телефон, открыл контакты и нашел номер человека, который мог вытащить из того дерьма, в которое меня окунули с головой. Но за эту помощь, мне придется отдать душу дьяволу. Кажется, я был готов к этому, раз набрал

сообщение:

«Нужно увидеться. Срочно. Сейчас».

Отправил. И стал ждать.

Телефон завибрировал через минуту. Ответ был коротким: «Адрес».

Я сбросил геолокацию. Откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Через двадцать минут в дверь позвонили.

А пока мы ждем, чтобы узнать, кто же пришел к Бориса, предлагаю окунуться в еще одну историю нашего Литмоба!

Развод. Немного изменил

https://litnet.com/shrt/yMq1

– Кто вы такой? – спрашиваю хрипло.

Незнакомец проталкивается в квартиру.

– Я дядя ваших детей.

– К-к-как это? У моих д-дочек нет дяди… – Слова заплетаются.

– Если муж наконец соизволит сказать вам правду, то вы узнаете, что дядя у них есть. Я брат женщины, у которой он отобрал этих детей.

После удочерения близняшек моя жизнь стала полной и безумно счастливой.

Пока не оказалось, что за красивой улыбкой мужа скрывались ложь, измена и предательство.

А правда оказалась страшнее всего, что я могла себе представить.

19.

Борис Орфеев

Через двадцать минут в дверь позвонили.

Я не спешил открывать. Сидел на кухне, смотрел на дверь и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Я знал, кто стоит за дверью. Знал, что после этого разговора обратной дороги не будет. Но вероятно выбора у меня не осталось.

Я медленно поднялся и прошел в коридор, открыл дверь.

На пороге стоял Олег.

Тот самый Олег. Муж Зои. Отец ребенка Лизы. Подлец, который сделал мою дочь беременной и сбежал. Сейчас он стоял передо мной – в дорогом пальто, с идеальной укладкой и спокойным, наглым лицом человека, который привык, что ему все сходит с рук.

– Здравствуй, любимый тесть, – сказал он, проходя в квартиру без приглашения. – Зачем я тебе понадобился. Сейчас?

– Если позвонил, значит надо. Не задавай глупых вопросов, Олег.

Я закрыл дверь, прошел за ним в гостиную. Олег сел в кресло, закинул ногу на ногу, посмотрел на меня с легкой усмешкой.

– Ну? Что за срочность? Я, между прочим, с семьей ужинал. Зоя плачет, не успокоить. Илья капризничает из-за того, что у его матери может пропасть молоко. Ты хоть понимаешь, что ты наделал? Привез свою дочь, разрушил мой дом… поставил под угрозу мой брак и будущее.

– Заткнись, – сказал я, и голос мой прозвучал тихо, но так, что Олег замолчал. – Ты разрушил свой дом сам, когда трахнул мою дочь. Когда сделал ей ребенка, а потом сбежал, как последний трус.

– Я не сбегал, – Олег усмехнулся. – Я просто...

– Ты сбежал, – перебил я. – Ты исчез, отключил телефон, заблокировал соцсети. Ты бросил беременную девушку, которая верила тебе. Она же любила тебя. А теперь ты сидишь в моей квартире и пытаешься оправдаться? Не смеши.

Олег молчал несколько секунд. Потом вздохнул, провел рукой по волосам.

– Хорошо, – сказал он. – Я не буду оправдываться. Ты прав, я поступил как мудак. Но теперь... теперь поздно что-то менять. Зоя знает, Лиза знает, Варвара тоже знает. Что ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты признал ребенка Лизы, – сказал я. – Чтобы ты платил алименты. Чтобы ты извинился перед Лизой. Чтобы ты...

– Чтобы я разрушил свою семью? – перебил Олег. – Чтобы я бросил Зою и Илью? Ты этого хочешь? Чтобы твоя внучка росла без отца?

– Ты уже бросил одного ребенка, – сказал я. – Не бойся, второго бросить будет легче.

Олег побледнел. Сжал кулаки, но сдержался.

– Ты знаешь, Борис, – сказал он тихо. – Я мог бы тебе помочь. Я мог бы дать тебе то, что нужно. Но за это ты должен будешь сделать кое-что для меня.

Я напрягся.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты думаешь, я не знаю, зачем ты меня позвал? – Олег усмехнулся. – Ты в дерьме, Борис. Варя выгнала тебя, Лиза не хочет с тобой разговаривать, Алла настроила всех против тебя. Ты потерял семью, бизнес трещит по швам, кредиторы звонят каждый день. Ты на грани краха. И ты думаешь, что я могу тебя вытащить.

Я замер. Сжал кулаки и почувствовал, как на лбу выступила испарина.

– Откуда ты…

– Я знаю о тебе все, – перебил Олег. – Твои долги, твои проблемы на работе, твою связь с... – он запнулся, усмехнулся. – Я знаю даже то, о чем твоя жена не догадывается.

– Какую связь? – спросил я, чувствуя, как внутри разливается холод.

– Не важно, – Олег встал, подошел к окну. – Важно то, что я могу все это решить. Я могу дать тебе денег, любимый тесть. Много денег. Я могу уладить проблемы с кредиторами. Я могу сделать так, что ты снова станешь уважаемым человеком. Но за это...

– Что? – спросил я. – Что ты хочешь?

Олег повернулся ко мне. В его глазах была холодная, расчетливая жестокость.

– Я хочу, чтобы Лиза сделала аборт, – сказал он. – И чтобы ты убедил ее в этом.

Тишина повисла в комнате такая, что можно было услышать, как тикают часы на стене. Я смотрел на Олега и не верил своим ушам.

– Ты... – голос мой сорвался. – Ты с ума сошел?

– Нет, – ответил он спокойно. – Я просто хочу сохранить свою семью. Зоя не простит мне ребенка от другой женщины. А если этого ребенка не будет... она сможет забыть. Мы сможем начать все сначала. А Лиза... Лиза молодая, она найдет себе другого. Родит еще. А этот ребенок разрушит две семьи. Мою и твою. Ты этого хочешь?

– Ты предлагаешь мне убить собственного внука? – Я смотрел на него, чувствуя, как внутри меня закипает ярость. – Ты хочешь, чтобы я заставил мою дочь убить своего ребенка?

– Не стоит драматизировать. Сейчас это еще не ребенок, а всего лишь эмбрион.

– Ты и правда полный мудак, блядь, – прошипел я, делая шаг в его сторону. Именно сейчас мне очень захотелось размазать это лицо по кулаку, чтобы больше не скалился.

– Я всего лишь предлагаю тебе спасти свою семью, – сказал Олег. – Подумай, Борис. Если Лиза родит, ты никогда не вернешь Варю. Она будет ненавидеть тебя за то, что ты не защитил их дочь. А если ребенка не будет... ты сможешь все исправить. Сможешь стать героем, а может даже спасителем. Надеюсь ты усёк?

Я молчал, потому что не мог смотреть на эту рожу. Передо мной стоял муж моей второй дочери, но сейчас я видел убийцу.

– Я не буду этого делать, – сказал я. – Я не буду убивать своего внука.

– Тогда ты потеряешь все, – Олег пожал плечами. – И жену, и дочь, и бизнес. Ты останешься один, Борис. Нищий и всеми забытый. А я... я вернусь к своей семье и мы будем жить дальше. Без тебя, без Лизы, без ребенка.

Он направился к выходу, а у двери обернулся.

– У тебя есть два дня, – сказал он. – Подумай. Если согласишься – позвони. Если нет... что ж, удачи тебе, Борис. Она тебе точно понадобится. Не думай, что я такой плохой, я просто хочу спасти свою семью и твою. И запомни: я знаю о тебе больше, чем ты думаешь. Подумай об этом. Два дня! Время пошло.

Хорошие мои, еще одна новиночка!
Развод в 45. Случайная правда
https://litnet.com/shrt/3oQG

– Когда приедут родители мальчика? – Задаю я вопрос.

– Родители? Я думала, это вы, – растерянно произносит учительница.

– В смысле? – Напрягаюсь я и уже чувствую, как что-то кольнуло в сердце.

– У детей одинаковая фамилия. И они чем-то похожи. А Миша учится в другом классе, и у него другие учителя. Я его не знаю. Поэтому решила, что нужно сообщить вам.

– Но он не имеет к нам никакого отношения, – развожу я руками.

– К вам не имею! – Зло цедит сквозь зубы мальчик. – А к папе имею!

– Это мой папа! – Кричит дочь.

– Нет! – Резко отвечает Миша. – Он мой папа! А ты ему никто.

Я в ужасе смотрю на детей и ничего не понимаю. Подхожу к Мише и спрашиваю его спокойным голосом:

– А как зовут твоего папу?

– Владимир Покровский! – Гордо произносит мальчик имя мужа и мое сердце обрывается.

20.

Варвара Орфеева

Я сидела на кухне и смотрела в окно, пока звук машины Бориса не стих вдали. Потом еще сидела, не знаю сколько. Может, час. Может, два. Время остановилось. Словно кто-то нажал на паузу, а меня забыл предупредить.

Я слышала, как наверху Влад вышел из комнаты Лизы, тихо прикрыл дверь. Спустился вниз, заглянул на кухню, увидел меня.

– Варвара Сергеевна? – позвал он тихо. – Вы как?

– Иди домой, Влад, – ответила я, не оборачиваясь. – Лиза уснула?

– Да.

– Хорошо. Доброй ночи. Спасибо, что побыл с ней.

Он помолчал, потом кивнул – я услышала, как скрипнула входная дверь. Щелкнул замок. И я осталась одна.

Совсем одна.

В доме было тихо. Слишком тихо. Даже часы, кажется, перестали тикать, боясь нарушить эту тяжелую, давящую тишину. Я встала, поднялась наверх. Заглянула в комнату Лизы – она спала, свернувшись калачиком, подложив под щеку ладонь. Лицо бледное, под глазами темные круги, даже во сне она хмурится. Рядом на тумбочке лежал телефон. Я подошла, поправила одеяло, поцеловала дочь в лоб. Кожа была горячей, сухой.

– Спи, родная, – прошептала я. – Мама рядом. Мама все решит.

Вышла, прикрыла дверь. И пошла в нашу спальню.

Двадцать лет мы спали в этой комнате. Двадцать лет я засыпала рядом с ним, чувствуя запах его туалетной воды, слушая его дыхание.

Двадцать лет я считала, что хорошо знаю этого человека. Но оказалось, что я ошибалась. За последние дни мой муж стал для меня чужим и незнакомым. От этого осознания, осколок врезался в сердце сильнее и причиняет почти физическую боль. Двадцать лет я считала, что хорошо знаю этого человека. Но оказалось, что я ошибалась. За последние дни мой муж стал для меня чужим и незнакомым. Это осознание ранило меня настолько глубоко, что я физически ощутила боль в сердце.

Я села на кровать и уставилась на фотографии на тумбочке.

Наши с Борисом свадебные фото. Он молодой, красивый, счастливый. Смеется, запрокинув голову, держит меня на руках. Я в белом платье, с огромным букетом пионов – моих любимых. Мы стоим у ЗАГСа, солнце светит нам в лица, и кажется, что вся жизнь впереди. Бесконечная, счастливая, безоблачная.

Я взяла фотографию, провела пальцем по его лицу.

– Зачем ты это сделал? – прошептала я. – Почему молчал всё это время? Неужели, и правда изменял мне все эти годы?

Фотография не ответила. Стекло было холодным под пальцами. Я вернула ее на место, взяла другую.

Мы на море, Лиза маленькая, года три ей наверно. Сидит на шее у мужа, вцепившись ему в волосы, и хохочет. Он держит ее за ноги и улыбается в камеру. Счастливый отец. Любящий муж. За его спиной – море, солнце, белый песок. Я помню этот день. Мы жарили шашлыки, купались до темноты, а потом сидели на берегу и смотрели на звезды. Лиза уснула у него на руках, а он сказал: «Варь, я так счастлив. Спасибо тебе за нашу дочь».

Я закрыла глаза, прогоняя слезы. Положила фотографию.

Открыла ящик тумбочки, достала старые альбомы. Тяжелые, с выцветшими обложками, с пожелтевшими уголками страниц. Наша жизнь. Наша история. Наше прошлое, которое я считала идеальным.

Вот мы в институте. Я с двумя косичками, в джинсах и растянутом свитере. Борис в джинсовой куртке – тогда это было модно. Стоим у фонтана, обнявшись. Я помню этот день. Мы только начали встречаться, и я была так счастлива, что кружилась по комнате и пела.

Вот на первом свидании. Он подарил мне ромашки – целую охапку. Я держу их, прижав к груди, и улыбаюсь. А он смотрит на меня так, будто я – центр его вселенной.

Вот он провожает меня домой. Мы стоим у подъезда, и он целует меня в щеку. На заднем плане видно чье-то лицо в окне – соседка подглядывает. Мы еще тогда смеялись.

Вот он дарит мне цветы. Много цветов. Я утопаю в них, как в снегу. А за спиной – наша будущая квартира, которую мы только начали ремонтировать.

А вот…

Я замерла.

На фотографии была Алла. Я посмотрела на оборот, даты не было.

Алла стояла рядом с Борисом, обнимала его за плечи, улыбалась. День рождения у кого-то из общих знакомых. На столе торт со свечами, воздушные шары, гирлянды. Борис держит в руке бокал, Алла прильнула к нему, как будто они семейная пара. Я вспомнила этот вечер. Я тогда заболела и не пошла. А он поехал один. Сказал, что неудобно отказываться.

В тот вечер, он вернулся поздно, навеселе и от него разило чужими духами. Я спросила и он сказал, что это просто кто-то обнимался на танцполе.

Мои пальцы сжались, комкая край снимка. В груди поднялась такая волна ненависти, что я не смогла сидеть. Встала, чувствуя, как дрожат колени.

Я вырвала фотографию из альбома, разорвала пополам. Потом еще одну. Потом еще. С каждым разрывом в груди становилось легче, будто я вырывала куски из прошлого, которое оказалось ложью.

– Тварь, – прошептала я. – Мерзкая тварь!

Альбом полетел на пол. Следом полетел второй. Третий. Фотографии разлетелись по спальне, как листья – белые, черно-белые, цветные. Наше счастье. Наша любовь. Наша семья. Все это оказалось фальшивкой, прикрытой красивой картинкой.

Я упала на колени посреди разбросанных фотографий и заплакала.

Плакала громко, навзрыд, как не плакала никогда. Слезы текли по щекам, падали на снимки, размывали лица. Наши лица. Наше прошлое. Нашу жизнь, которую я считала счастливой.

Я подняла одну фотографию. Лиза идет в первый класс. С огромными бантами, с букетом гладиолусов. Борис держит ее за руку, поправляет ранец. Я смотрю на них и улыбаюсь. А за спиной – тень. Чья-то тень. Я никогда не замечала этого и не знала чья. Теперь знаю.

– За что? – кричала я в пустоту, комкая фотографию. – За что, Господи? Что мы сделали не так? Почему она не оставила нас в покое? Почему?

Но никто не ответил.

Я плакала до тех пор, пока слезы не кончились. Сидела на полу, обхватив колени, и смотрела на фотографии. На Бориса. На Лизу. На Аллу. На всех нас, перепутанных, перемешанных одной судьбой.

И вдруг в голове что-то щелкнуло.

Я перестала плакать. Вытерла лицо тыльной стороной ладони и начала думать.

Алла сказала, что Борис приезжал к ней все эти годы. Что держал Зою на руках, когда та была маленькой. Что дарил ей подарки. Что они встречались тайно.

Но если это правда, почему никто никогда не видел их вместе? Почему соседи ничего не говорили? Почему друзья не шептались? Почему даже Максим, муж Аллы, не знал об этом? Или знал? Или делал вид, что он тут не при чем?

Я встала и подошла к столу, на котором лежал ноутбук мужа. Он собирался поработать вчера, но видимо что-то ему помешало. Хм… что-то под названием “Извини, дорогая, у меня есть вторая семья”. На самом ноутбуке я увидела ежедневник мужа (я его заметила сегодня днем, но сейчас он словно намекал мне – я кладезь ценной информации), как странно, он оставил его на столе и не забрал с собой, когда уезжал. Забыл или намеренно оставил?

Я открыла книжку в кожаном переплете и на первых страницах увидела телефонную книгу. Удивительно, я думала, что никто такими уже не пользуется. Видимо, я ошибалась.

Я нашла букву К. Мне нужны были Костровы, а именно Максим Костров. Мой бывший возлюбленный, ныне дражайший супруг Аллочки.

И я… нашла. Он стоял первым в списке и был обведен красной ручкой.

Я взяла телефон. Пальцы дрожали, когда я набирала сообщение.

«Максим, это Варвара Орфеева. Мне нужно с тобой встретиться. Без Аллы. Это важно. Завтра.».

Отправила. И стала ждать.

Секунды тянулись как часы. Телефон лежал на столе, черный, холодный, молчаливый. Я смотрела на него, боясь пропустить уведомление.

Ответ пришел через пару минут.

«В 10 утра. Кафе «Встреча» на Ленина. Я буду».

Я выдохнула. Сжала телефон так, что побелели костяшки.

– Хорошо, – сказала я вслух. – Хорошо, Максим. Посмотрим, на чьей ты стороне.

Я положила телефон на стол и посмотрела на разбросанные фотографии.

– Алла, – сказала я тихо, и голос мой звучал хрипло и безжизнено. – Ты думаешь, что победила? Что разрушила мою семью? Что я сломалась?

Я выпрямила спину и подошла к окну. Посмотрела на свое отражение – бледная, с опухшими глазами, растрепанная. Но глаза горели. Горели таким огнем, который не потушить.

– Нет, дорогая, – сказала я своему отражению. – Ты меня не знаешь. Я буду бороться за свою семью и мы еще посмотрим, кто из нас будет смеяться последним.

В этот момент в дверь постучали. Тихо, неуверенно, будто человек за дверью боялся войти, но не мог не постучать.

– Мам, – голос Лизы был глухим, почти безжизненным. – Ты не спишь?

Я подошла, открыла дверь.

Она стояла на пороге – с красными опухшими глазами, в длинной футболке, обнимающей ее округлившийся живот. Волосы спутаны, губы дрожат. Она смотрела на меня, и в ее взгляде было что-то такое, от чего у меня оборвалось сердце.

– Лизонька, что случилось? – я взяла ее за руки. Ладони были холодными, как лед.

Она посмотрела на меня, сглотнула, и сказала тихо, почти шепотом, но каждое слово врезалось в мое сердце, как нож:

– Мам, я приняла решение. Ребенка не будет.

21.

Варвара Орфеева

Слова повисли в воздухе, тяжелые, как свинец. Я смотрела на дочь и не могла пошевелиться. Сердце пропустило удар, потом забилось где-то в горле, мешая дышать.

– Что? – выдохнула я. – Лизонька, что ты говоришь?

– Я не могу, мам, – голос Лизы дрогнул, но она быстро закусила губу, словно наказывая себя за слабость. Ее плечи напряглись, и она резко сделала несколько шагов к окну, сжала подоконник побелевшими пальцами – так сильно, что костяшки выступили белыми буграми. Слезы уже катились по щекам, но она не вытирала их, словно не замечала.

– Что не можешь? – прошептала я, боясь нарушить хрупкую тишину и спугнуть то, что дочь пыталась мне сказать.

– Не могу рожать ребенка от человека, который меня бросил, – ее голос стал тише, но жестче. Она развернулась ко мне, и я увидела, как дрожат ее губы – мелко, нервно, будто она на морозе. Она сделала шаг вперед, потом назад, потом сжала руки в кулаки, прижала их к груди, защищаясь. – Не могу растить его в ненависти. Не могу смотреть на него и видеть лицо Олега.

Она провела ладонью по лицу – резко, грубо, размазывая слезы по щекам. Потом опустила руку на живот, замерла на секунду, и вдруг отдернула, будто обожглась.

– Я не хочу, чтобы мой ребенок вырос несчастным, – ее голос сорвался на шепот, она опустила голову, плечи ссутулились, и она стала маленькой, сжатой, как пружина. – Я не хочу быть несчастной. Я просто не хочу...

Она замолчала, закусила губу, сдерживая рыдания. Я обняла ее, прижала к себе, чувствуя, как дрожит ее тело.

– Тише, родная, тише, – я гладила ее по спине, по спутанным волосам, по плечам, которые сотрясались от беззвучных рыданий. – Все будет хорошо. Мы справимся.

– Не будет хорошо, мам, – прошептала она в мое плечо. – Никогда уже не будет. Я сломана. Я не хочу этого ребенка. Не хочу. Слышишь?! Не хочу!

Она вырвалась из моих объятий, подошла к двери, встала, обхватив себя руками. Живот ее был уже заметен – четыре месяца, маленькая жизнь, которая бьется под сердцем моей девочки. А она говорит, что не хочет ее. Что не может.

– Лизонька, – я подошла к ней, встала рядом. – Посмотри на меня.

Она покачала головой.

– Посмотри на меня, дочка. Пожалуйста.

Она подняла голову. Глаза ее были красными, опухшими, но сухими – выплакала все, что можно. В них была пустота. Страшная, ледяная пустота.

– Ты не хочешь этого ребенка сейчас, – сказала я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри все разрывалось. – Потому что тебе больно. Потому что Олег бросил тебя. Потому что ты чувствуешь себя преданной и униженной. Но это пройдет, Лизонька. Боль пройдет, утечет как вода. А ребенок останется. Он не виноват в том, что его отец – подлец. Он не виноват, что ты страдаешь. Он просто маленькая жизнь, которая растет внутри тебя. Которая любит тебя. Которая нуждается в тебе.

– А я не нуждаюсь в нем, – резко ответила Лиза, и голос ее был твердым, как сталь. – Я не хочу его. Я не готова быть матерью. Я сама еще ребенок, мам. Мне восемнадцать. Я ничего не умею. У меня нет денег, нет жилья, нет мужа. Как я выращу его? Как?

– Вместе, – я взяла ее за руки. – Мы вырастим его вместе. Я буду рядом. Я помогу. Ты не одна, Лизонька. У тебя есть я. И Влад. И отец... – я запнулась, но продолжила, – и отец, как бы я к нему ни относилась сейчас, он тоже не бросит своего внука.

– Олег бросил, – сказала Лиза. – Олег ведь тоже отец. И мне почему то кажется, что он не хочет, чтобы этот ребенок появился на свет. Ты знаешь, мам, он же сбежал, когда узнал о беременности. Он не придет, не поможет, не заплатит алименты. Он вообще не хочет о нас слышать. Зачем мне рожать от такого?

– Затем, что это не его ребенок, – я сжала ее ладони. – Это твой ребенок. Только твой. И мой внук. И Влад...

– Влад тут совершенно не при чем, – перебила резко Лиза. – Влад хороший, но он не обязан растить чужого ребенка. У него своя жизнь. Он пожалеет меня, побудет рядом, а потом уйдет. Как все они…, – всхлипнула дочь и я поняла, что сердце ее разрывается от боли.

– Лиза, послушай меня...

– Нет, мам, это ты послушай, – она выдернула руки, отошла к кровати, села на край. – Я уже записалась к врачу. Нашла клинику... эмм... в интернете. Звонила, пока ты была у Аллы. Сказали, что можно, если срок небольшой. А у меня... – она запнулась, – у меня же четыре месяца, мам. Еще не поздно? Не поздно же?

Я замерла. Четыре месяца. Почти семнадцать недель. Я не была уверена, но мне казалось, что на таком сроке уже ничего нельзя сделать. Или можно? Я не знала. И от этого незнания становилось еще страшнее.

– Лиз, – осторожно сказала я. – А ты уточнила у них про срок? Сказала, что у тебя четыре месяца?

– Сказала, – кивнула она. – Они ответили, что надо приехать на консультацию. Что врач посмотрит и скажет. Что в некоторых случаях можно до двадцати двух недель.

Двадцать две недели. Значит, еще есть время. Недели три-четыре. Но это если по медицинским показаниям. А у Лизы их нет. У нее просто желание. И боль. И отчаяние.

– Лизонька, – я села рядом, обняла ее. – Давай не будем принимать решения сегодня. Давай подумаем. Поспим. А завтра...

– Завтра я еду в клинику, – перебила она твердо. – Ты можешь поехать со мной. Или не ехать. Дело твое!

Я молчала. Смотрела на свою девочку, такую маленькую, такую испуганную, такую решительную. И понимала, что спорить сейчас бесполезно. Она приняла решение. И переубедить ее сейчас будет трудно. Слишком много эмоций и боли. Такое решение надо принимать на свежую голову.

– Хорошо, – сказала я. – Но сейчас ты пойдешь со мной на кухню. Я заварю тебе чай с ромашкой и пустырником. Ты выпьешь, успокоишься, и мы ляжем спать. Вместе. Как в детстве. Помнишь?

Лиза посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнуло что-то теплое, детское.

– Помню, – прошептала она.

Я взяла ее за руку и повела на кухню. Усадила за стол, поставила чайник. Достала чашки, ромашку, пустырник. Заварила. Поставила перед дочерью.

– Пей, – сказала я. – Маленькими глотками.

Лиза взяла чашку, поднесла к губам. Отпила. Еще и еще. С каждым глотком лицо ее становилось спокойнее, плечи опускались, дыхание выравнивалось.

– Мам, – сказала она тихо. – А ты не злишься на меня?

– За что, глупенькая? – я погладила ее по голове. – За то, что тебе больно? За то, что ты запуталась? За то, что не знаешь, как поступить? Это не повод для злости, Лиза. Это повод лишь для того, чтобы быть рядом.

– Я боюсь, – прошептала она, подняв на меня глаза. – Очень боюсь.

– Я знаю, – я села рядом, обняла ее. – Я тоже боюсь. Но мы справимся, обязательно, все вместе.

Мы сидели так долго, пока чай не остыл. Потом я отвела Лизу в спальню, уложила на свою кровать, легла рядом. Обняла, прижала к себе, как когда-то, когда она была маленькой и боялась темноты.

– Спи, родная, – прошептала я. – Завтра будет новый день. И завтра мы обязательно все решим.

Она кивнула, закрыла глаза. Через несколько минут дыхание ее стало ровным – она уснула. А я лежала рядом, смотрела в потолок и думала о том, как пережить эту ночь и следующие.

Хорошие мои, а пока мы ждем, что же решит Лиза, предлагаю окунуться в новую историю.

Эта книга будет писаться в соавторстве с Алёной Скиф.

https://litnet.com/shrt/eroD

Измена. Аномалия твоей любви

https://litnet.com/shrt/1PgA

Я пришла домой с отрицательным тестом на беременность, а нашла в нашей постели двоюродную сестру и мужа.

Он пьяный в хлам, а сестра счастливая и довольная.

— Ты знаешь, сестрёнка, – говорит она почти шепотом, – а твой муженёк оказался хорошим жеребцом. Не зря про него такие слухи ходили по больнице. Оказалось, всё правда. У-у-ухххх!

Она выдыхает это «ух» мне в лицо. Сладкий запах вина и её духов. И смеётся. Тихо, с присвистом, как змея.

Я толкаю её в плечо – не сильно, но достаточно, чтобы она сделала шаг назад, за порог. И закрываю дверь.

– Убирайся, мразь, – шепчу я, сдерживая крик и слезы. И в этот момент мне хочется умереть.

22.

Утро началось с того, что Лиза открыла глаза, посмотрела на меня и сказала:

– Маааам, – замолчала на мгновение, видимо, обдумывая то, что хочет сказать, – я не передумала.

Я сидела на краю кровати, смотрела на нее и чувствовала, как внутри все обрывается. Ночь не принесла облегчения – ни ей, ни мне. Она спала беспокойно, металась, что-то бормотала во сне, плакала. Я прижимала ее к себе, целовала и укачивала как в детстве. Я не сомкнула глаз.

– Лизонька...

– Не надо, мам, – она села, обхватив колени руками. – Я все решила. Я не хочу этого ребенка. Я не могу. Я не готова. И никто не сможет меня переубедить.

Я глубоко вздохнула, сжимая пальцы так сильно, что ногти впились в кожу ладоней, оставив полумесяцы следов. Физическая боль хоть немного заглушала ту, что разрывала меня изнутри.

Посмотрела на нее – бледную, с темными кругами под глазами, с этим странным, почти фанатичным блеском в глазах. Моя девочка. Моя маленькая девочка, которая выросла слишком быстро.

– Хорошо, – сказала я, и голос мой прозвучал твердо, спокойно. – Тогда давай поговорим как взрослые женщины. Без истерик, без слез. Просто поговорим.

Лиза удивилась, но кивнула.

– Ты хочешь избавиться от ребенка, – начала я. – Это твое право. Твое тело, твоя жизнь, твое решение. Я не буду тебя отговаривать. Но я должна сказать тебе всю правду. Ты готова ее услышать?

Она неохотно кивнула.

– Твой срок – четыре месяца, Лизонька. Это почти семнадцать недель. По закону, аборт по желанию женщины делают только до двенадцати недель. Дальше – только по медицинским показаниям. Ты понимаешь, что это значит?

Лиза побледнела.

– Но в клинике сказали...

– В клинике сказали то, что ты хотела услышать, – перебила я. – Потому что им нужны деньги. Потому что они готовы рисковать твоим здоровьем ради наживы. А я – нет.

– Но Влад... – начала Лиза. – Влад врач. Он может помочь. Он...

– Влад – реабилитолог, – сказала я. – Он не делает аборты. И даже если бы делал – ты думаешь, он согласится убить твоего ребенка? Ребенка, которого он готов любить, как своего? Ребенка, ради которого он готов ждать тебя столько лет?

Лиза замолчала. Смотрела на меня, и в ее глазах появился страх.

– Мам, я...

– Дай мне закончить, – я взяла ее за руки и тихонько сжала. – Даже если ты найдешь врача, который согласится сделать аборт на таком сроке – это очень опасно. Кровотечение, инфекция, повреждение матки – ты можешь больше никогда не иметь детей. Ты готова к такому риску?

Лиза молчала. Губы ее дрожали.

– Ты можешь умереть, Лизонька, – сказала я тихо. – Просто умереть на столе. От потери крови, от сепсиса, от того, что сердце не выдержит наркоза. Ты готова умереть ради того, чтобы избавиться от ребенка, который ни в чем не виноват?

– Я не хочу умирать, – прошептала она и положила руки на живот.

– И я не хочу, – я сжала ее пальцы. – Поэтому я не позволю тебе ехать в эту клинику. И ни в какую другую. Ты будешь рожать, Лизонька. Мы вырастим этого ребенка. Вместе. Я

помогу. Влад поможет. И даже отец, как бы я к нему ни относилась сейчас, поможет. Ты не одна. Ты никогда не была одна и не будешь.

Лиза заплакала. Тихо, беззвучно, закрыв лицо руками. Я обняла ее, прижала к себе.

– Но я не хочу, мам, – прошептала она сквозь слезы. – Я не хочу его. Я не хочу видеть его лицо. Я не хочу вспоминать Олега каждый раз, когда посмотрю на него.

– Ты и не будешь вспоминать, – сказала я. – Потому что этот ребенок – не Олег. Он – ты. Твоя плоть, твоя кровь, твоя любовь. Он будет похож на тебя. На меня или на твоего отца. На Влада, если ты позволишь ему быть рядом. Но не на Олега. Олег – просто донор. Просто случайность, которая дала тебе самое ценное – новую жизнь.

Лиза подняла на меня заплаканные глаза.

– Ты правда так думаешь?

– Я знаю это, – сказала я. – Я родила тебя. И я знаю, что ребенок – это не его отец. Это ты. Твоя душа, твое сердце, твоя улыбка. И никто не сможет этого изменить.

Лиза молчала. Смотрела на меня, и я видела, как в ее глазах борются страх и надежда.

– А если я не справлюсь? – прошептала она. – Если я не смогу его полюбить?

– Сможешь, – я улыбнулась. – Как только ты увидишь его – маленького, беспомощного, с твоими глазами и твоими пальчиками – ты полюбишь его. С первого вздоха. На всю жизнь. Я обещаю тебе.

Лиза всхлипнула, уткнулась мне в плечо. Я гладила ее по голове, смотрела в окно, где разгорался новый день, и думала о том, что мы справимся.

Мы обязательно справимся.

Потому что мы – женщины. Потому что мы – мать и дочь. Потому что мы – семья. И никто не сможет нас сломать. Ни Алла, ни Олег, ни Борис. Никто.

– Мам, – тихо сказала Лиза. – А ты поедешь со мной к врачу? К твоему врачу? Просто поговорить? Просто узнать, все ли в порядке с моим малышом?

Я улыбнулась сквозь слезы.

– Конечно, родная, поедем. Сегодня же. А потом заедем в кафе, съедим по кусочку торта и подумаем, как назовем нашего мальчика.

Лиза слабо улыбнулась и подняла на меня глаза.

– А если это будет девочка? – всхлипнув спросила она и вытерла набежавшие слезы.

– Значит, назовем в честь тебя. Или в честь меня или твоей бабушки. Или придумаем что-то новое, – я поцеловала ее в лоб. – А теперь вставай, умывайся, одевайся. У нас столько дел сегодня. Столько дел.

Лиза кивнула, встала с кровати и пошла в ванную. А я осталась сидеть, глядя ей вслед, и чувствовала, как внутри поднимается что-то невероятное. Большое и суровое. Я сжала зубы и взяла с тумбочки телефон дочери.

Открыла последние сообщения, с кем она переписывалась и нашла контакт. Кто-то дал ей дал ссылку на клинику, тот кто хотел помочь ей избавиться от ее же ребенка. А когда увидела, пальцы задрожали… и телефон выпал из рук.

– Нет. Нет, не возможно. Только не ты.

23.

Телефон выпал из рук и глухо стукнулся о ковер. Я смотрела на него, лежащий экраном вверх, и не могла пошевелиться. Слова на экране расплывались перед глазами, но я их уже запомнила. Навсегда.

– Нет. Нет, не возможно. Только не ты.

«Папа, мне нужна помощь. Помоги найти клинику.»

«Ты точно уверена, что хочешь избавиться от ребенка?»

«Уверена. Я не могу его оставить. Пожалуйста, не отговаривай меня. Просто помоги.»

«Хорошо. Я найду. Держись, дочка.»

«Спасибо, пап.»

«Вот ссылка. Здесь принимают на таком сроке. Врач хороший, я проверял. Завтра в одиннадцать. Я запишу тебя.»

«Спасибо. Ты лучший.»

«Я люблю тебя, Лизка. Что бы ни случилось – я рядом. Всегда.»

Я сидела на кровати, глядя на экран, и не могла дышать. Воздух закончился в легких, сердце колотилось где-то в горле, в ушах шумело. Я смотрела на эти сообщения – и не верила своим глазам.

Это не мог быть он. Не мог. Может это ошибка? И кто-то украл телефон моего мужа?

Борис. Мой муж. Отец Лизы. Он помогал ей найти клинику. Он дал ей ссылку. Он знал. Знал, что она хочет убить нашего внука, и не остановил. Не попытался переубедить. Не приехал, не позвонил. Просто скинул ссылку и сказал: «Я люблю тебя, Лизка».

Я подняла телефон дрожащими руками. Перечитала сообщения еще раз. И еще. И еще. Может, мне показалось? Может, это не он? Но имя контакта было написано четко: «Любимый папка».

Его фотография стояла на аватарке. Его голос звучал в каждой строчке – спокойный, уверенный, предательский.

– Зачем? – прошептала я в пустоту. – Зачем ты это сделал? Зачем помог ей? Зачем не остановил?

Ответа не было. Только тишина, только эти сообщения, горящие на экране, как клеймо.

Я закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Вдох и выдох. Еще раз. Не помогает. Сердце колотится, руки трясутся, в голове – хаос.

Он знал. Он знал, что она хочет избавиться от ребенка. И он не просто знал – он помогал. Он искал клинику, проверял врачей, записывал на прием. Он делал все, чтобы наш внук не появился на свет.

– Почему? – спросила я вслух, и голо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.